

Главный редактор

В. М. Орел

Редакционная коллегия

В. В. Бабков, А. Г. Барабашев, Д. А. Баюк (зам. главного редактора),
Вл. П. Визгин, В. Л. Гвоздецкий, Н. Ф. Глазовский, С. С. Демидов,
Ю. А. Золотов, С. С. Илизаров, А. Б. Кожевников, Л. М. Кожина, Н. И. Кузнецова,
В. Л. Пономарева, А. В. Постников, Н. Н. Семенова,
И. Е. Сироткина, А. М. Смолеговский, Д. А. Соболев

Международный редакционный совет

Марк Адамс (США), Кит Бенсон (США), Гурген Григорян (Россия),
Лорен Грэхем (США), Кеннет Кноспел (США), Борис Козлов (Россия),
Эдуард Колчинский (Россия), Джон Криге (Франция),
Юрий Наточин (Россия), Мариано Ормигон (Испания),
Доминик Пестр (Франция), Ганс Йорг Райнбергер (ФРГ),
Нильс Ролл-Хансен (Норвегия), Эдвард Свицерски (Швейцария),
Вячеслав Степин (Россия), Дуглас Уинер (США), Дэвид Холлоуэй (США),
Юрий Храмов (Украина), Саймон Шейфер (Великобритания)

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы — Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
Белозеров Олег Петрович (информационный раздел)
Оригинал-макет — Петрина Юлия Николаевна
Заведующая редакцией — Дроздова Людмила Николаевна

Подписано к печати 20.08.2003. Формат бумаги 70×100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 16,9 Усл. кр.-отт. 11,2 тыс. Уч.-изд. л. 21,4 Бум. л. 6,5
Тираж 653 экз. Заказ 7523

Свидетельство о регистрации № 0110149 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 103012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел: (095) 928-1190 факс: (095) 925-9911
E-mail: viet@ihst.ru <http://www.ihst.ru/JOURNAL.HTM>
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

---

50 лет со дня основания Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

ИСТОРИЯ НАУКИ В ГОРОДЕ НА НЕВЕ¹

Общекультурная ценность истории естествознания и техники определяется исключительным положением науки в современном обществе, поступательное движение которого немыслимо без крупных технических новаций, основанных на новейших достижениях математики, физики, химии и биологии. С прогрессом науки связаны не только светлые надежды, но и тревоги за будущее человечества. Во избежание негативных издержек научно-технического прогресса требуется исследовать механизмы формирования, функционирования и развития науки. Историко-научные исследования должны стать отправной точкой, эмпирическим базисом и для создания общей теории науки, и для выработки рекомендаций в области организации науки как особого социального института. История науки позволяет лучше понять развитие мировой цивилизации, которое было бы невозможно без интеллектуальных достижений и заблуждений, без столкновения и борьбы идей.

Необходимость обращения к работам своих предшественников хорошо осознавали философы и ученые Древней Греции, труды которых всегда содержат подробные цитаты из сочинений других авторов, а иногда подробные изложения их взглядов. При этом с самого начала исторические экскурсы подавались не как некая прогулка по кладбищу забытых идей, а как верный путь к правильному пониманию и постановке обсуждаемых проблем. Эта установка была усвоена последующими поколениями ученых. «Пушки к бою едут задом...», — сказал Александр Твардовский. Это подходит и к штурмам современных проблем, они начинаются нередко с обращения, если не к их истокам, то хотя бы к трудам непосредственных предшественников. Раскрыть интеллектуальную историю человечества в широком социально-культурном контексте призваны собрания книг, музейные коллекции и исследования Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН (СПбФ ИИЕТ), которому в сентябре 2003 г. исполняется 50 лет. Но сама история науки в Санкт-Петербурге, празднующем в этом году 300-летие своего основания Петром Великим, не намного моложе самого города.

---

¹ Я благодарю А. Н. Дмитриева, Г. И. Смагину и Т. В. Чумакову, которые дали мне возможность познакомиться с собранными ими архивными материалами Комиссии по истории знаний, Института истории науки и техники и Комиссии по истории Академии наук.

Зарождение и становление истории науки в Санкт-Петербурге

Истоки отечественных историко-научных исследований восходят к началу деятельности Академии художеств и наук, которая 27 декабря 1725 г. отпраздновала свое создание большим публичным собранием с участием всей петербургской элиты. На этом торжественном акте появления нового атрибута российской государственной жизни профессор логики и метафизики, физик и математик Г. Бюльфингер произнес речь о зарождении науки в Санкт-Петербурге и ее развитии в Европе с древности до XVIII в.² Речь была опубликована отдельным изданием на латинском языке, объемом 120 страниц. Докладчик просвещал российскую знать, объясняя, что такое академии и какое место они занимают в интеллектуальной жизни Западной Европы. Он стремился привить весьма разнообразной публике сознание того, что, поддерживая Академию, они участвуют в великом деле восхождения науки к её вершинам.

Свою речь Бюльфингер начал с выдающихся мыслителей Древней Греции. Один из них, Платон, создал школу в роще мифического героя Академа, якобы написав при входе: «Не знающим геометрию — вход воспрещен». Но становление современных академий докладчик связывал с эпохой гениев Нового времени — Г. Галилея, рысьеглазого, и И. Кеплера, создавших новую физику и астрономию и подготовивших открытия И. Ньютона и Р. Декарта, который нашел «более надежный способ философствования». Поскольку университеты того времени, еще не отошедшие от традиций средневековой схоластики, оказались невосприимчивыми к новым научным исканиям, в XVI в. во Франции, Италии и Германии стали возникать многочисленные кружки, в том числе именуемые академиями. Главным идеологом академического движения стал английский лорд-канцлер при дворе Якова I Фрэнсис Бэкон, призывавший в своих книгах окончательно порвать с бесплодной университетской схоластикой и её силлогическим дедуктивным методом и создать сообщество ученых, базирующихся в своей деятельности на опытных знании и индукции. Такими сообществами были призваны стать Королевское общество в Лондоне, первые академии Франции — Французская академия, Академия надписей и Академия наук, — а также возникшее на рубеже веков Королевское научное общество в Пруссии. Именно они превратились в поддерживаемые государством сообщества, созданные для проведения совместных опытов и их обсуждения. Их возникновение положило начало институционализации современной науки. Создание Академии наук в Петербурге означало, что Россия присоединяется к ряду просвещенных государств.

Бюльфингер также говорил о значении истории науки для самих ученых. Он подчеркнул, что верное понимание математики, физики, медицины и гуманитарных наук невозможно без обращения к их истокам. Ученый должен знать труды своих предшественников, следить за спорами и дискуссиями во-

² Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die XXVII Decembris 1725 publice recitati. Petropoli: Sumptibus Academiae scientiarum, [1726].

круг исследуемых им проблем, чтобы не выдавать старое за новое, а идти вперед в познании и совершенствовать наши представления о мире.

Речь профессора высшей математики Я. Германа, произнесенная 1 августа 1726 г. на втором Публичном собрании Академии³, которое принято считать «инаугурационным», так как на нем присутствовала императрица Екатерина I, тоже была полностью посвящена истории математики. Трудно сказать, насколько присутствовавшие там члены царской семьи, придворные, крупные чиновники и высшее духовенство, высшие чины армии, флота и дипломатии были способны воспринять речь на латинском языке, объем в печатном виде составил также 120 страниц. Подробный исторический обзор развития математики от Фалеса, Пифагора и Евклида до Р. Декарта, И. Ньютона, Г. В. Лейбница и братьев И. и Я. Бернулли призван был показать, сколь важное место предстоит занять молодой Академии в Санкт-Петербурге в процессе современного подъема математики, в котором, как подразумевалось, участвовали и сам оратор, и его коллеги — академики Г. Бюльфингер, Х. Гольдбах и адъюнкт Ф. Майер. Удивительно, но это редкий случай прогноза в истории науки, которому суждено было сбыться.

Таким образом, академики, выступая на первых публичных собраниях Академии художеств и наук, преследовали научно-просветительские цели: а предметом донесения до сознания правящей элиты громадной государственной важности нового для России института была история науки. В ней как бы воедино слиты задачи историко-научного исследования, просвещения и практики. Этот прием демонстрации значения своей отрасли знаний использовали в академических речах и первые российские академики: С. П. Крашенинников — «О пользе наук и художеств» (1750), М. В. Ломоносов — в «Слове о пользе химии» (1751), С. К. Котельников — в «Слове о пользе упражнения в чистых математических рассуждениях...» (1761), предпринимая обширные экскурсии в историю знаний и их практического использования.

Первый профессор Академии ботаник И. Буксбаум в первой биологической работе «Новые трав роды», опубликованной в России, дал обзор истории ботаники⁴. На шести страницах он нарисовал обширную панораму развития ботаники за две тысячи лет с целью показать значение познания растений для врачебной практики. По Буксбауму, ботаника была частью медицины. Он особо выделил исследования О. Брунфельса, братьев Э. и В. Кордусов в познании растений, а также К. Гесснера, предложившего первую систему таксонов (класс, род, вид), которая далее была развита И. Реем. Он разделил растения на 25 классов. Дж. Турнефор и А. Бахманн сгруппировали растения в 673 рода и 8846 видов. История ботаники позволяла Буксбауму точнее определить собственное место в развитии ботаники и прежде всего подчеркнуть

³ Sermones in secunda solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die I Augusti Anni MDCCXXVI publice recitatio. Petropoli: Typ. Academiae scientiarum, [1726].

⁴ *Buxbaum, J. Nova Plantarum Genera // Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae. 1728. Vol. 1. P. 241–245.*

значение результатов его путешествия по Турции и Кавказу, где он описал 1356 новых видов и 25 родов⁵. Вопросы истории астрономии и математики не обходили в своих трудах знаменитые Ж. Н. Делиль и Л. Эйлер.

В первые же годы своей деятельности Академия проявила заботу о собирании, хранении и систематизации документов. В 1728 г. был создан Архив Конференции Академии, который, благодаря усилиям многих поколений, стал поистине уникальным хранилищем драгоценных документов по истории отечественной и мировой науки. Ныне в академическом Архиве хранятся протоколы заседаний Общего собрания Академии наук и ее отделений, ученая корреспонденция, документы по истории академических учреждений, личные архивы ученых. Другим бесценным собранием рукописных материалов и книг по истории науки является Библиотека Академии наук.

Первому конференц-секретарю Академии художеств и наук Х. Гольдбаху было поручено описывать историю Академии. 17 февраля 1735 г. он представил на заседании Конференции «Начертание правил для составления истории Санкт-Петербургской академии наук»⁶. А уже через месяц президент Академии художеств и наук барон И. А. Корф приказал «отыскать все имеющиеся в архиве сведения об основании, возрастании и нынешнем состоянии Санкт-Петербургской академии наук и сообщить их его превосходительству и господину советнику юстиции Гольдбаху»⁷. В 1741 г. была опубликована краткая историческая справка о ее основании, кадрах и учреждениях в качестве предисловия к первому академическому справочнику «Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук»⁸. Вскоре после его публикации должно было выйти в свет более подробное описание ее истории⁹, но в связи с отставкой Шумахера, подготовившего к изданию «Палаты», это не было осуществлено.

В XVIII в. было создано несколько рукописных очерков по истории Академии наук. По поручению Конференции попытку систематического описания истории Академии предприняли Г. Ф. Миллер и помогавший ему с 1781 г. И. Г. Штриттер. Но и это описание не было закончено. Тем не менее накопление материала по истории Академии наук шло непрерывно. В обязанности конференц-секретаря входило составление ежегодных отчетов об исследованиях, изобретениях и публикациях академиков, об изменениях в их составе, публичных лекциях и конкурсах и т. д. Эти отчеты публиковались в трудах Академии наук. Важными сводками по истории Академии наук стали труды

⁵ *Vuxbaum, J.* Plantarum minus cognitarum. Complectens plantas circa Byzantium et in Oriente observatas. Petropoli, 1728–1740.

⁶ *Летопись Российской академии наук. 1724–1802 / Ред. Ю. С. Осипов. Т. 1. СПб., 2000. С. 152.*

⁷ *Куник А. А.* Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // *Ученые записки АН. Введение. 1852. Т. 2. Вып. 1. С. 137.*

⁸ *Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, в которых представлены планы, фасады и профили, приписанные Ея Императорскому Высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России.* СПб., 1741.

⁹ *Илизаров С. С.* Первый очерк истории Академии наук и его автор И. Д. Шумахер // *Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 755–759.*

И. Бакмейстера¹⁰ и О. Беляева¹¹. В них исторические экскурсии использовались, чтобы подчеркнуть историко-культурное значение исследовательской, музейной и издательской деятельности Академии.

Начало публикаций по истории отечественного естествознания положили сочинения первого ректора Академического университета Г. Ф. Миллера¹², в которых изложены грандиозные результаты двух Камчатских экспедиций в изучении природы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Алеутских островов и Аляски. В 1763 г. Ломоносов поднес наследнику престола, вел. кн. Павлу Петровичу, числившемуся тогда президентом Адмиралтейств-коллегии, «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Из названия уже видно, что история науки и здесь использовалась для обоснования грандиозного проекта по организации географической экспедиции. Из трех глав рукописи две были посвящены истории. Первые попытки англичан, датчан, испанцев пройти вдоль берегов Северной Америки в Тихий океан Ломоносов сопоставляет с результатами плаваний В. Баренца, С. И. Дежнева и В. Беринга, доказавшими связь Северного Ледовитого океана с Атлантическим и Тихим океанами. Ломоносов использовал и другие исторические свидетельства (парижского географа Ф. Биаша, португальского мореплавателя Д. Мельгера и др.) возможности «корабельного хода Сибирским океаном» из Тихого в Атлантический. Год спустя Ломоносов опубликовал труд «Прибавление о северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану» (1764) и составил «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток Северным Сибирским океаном» (1765).

К истории российских географических открытий не раз возвращался в своих работах крупнейший натуралист XVIII в. академик П. С. Паллас. В много-томном «Путешествии по различным провинциям Российской Империи», опубликованном в 1771–1776 гг. на немецком языке, Паллас каждое описание своих экспедиционных наблюдений в том или ином регионе предварял исторической справкой о предшествовавших исследованиях. В 1781 и 1782 гг. он издал на немецком языке две работы по истории морских исследований «Объяснение открытий, происшедших в Восточном море между Азией и Америкой» и «О Российских открытиях на морях между Азией и Америкой». Публикация последней статьи на русском языке в популярном «Месяцеслове

¹⁰ *Bacmeister, J.* Essay sur la Bibliothèque et le Cabinet de Curiosité et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint Pétersbourg. Par Jean Bacmeister sous Bibliothecaire de l'Académie des Sciences. SPb., 1776; Русский перевод: *Бакмейстер И. Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Императорской Академии наук... СПб., 1779.

¹¹ [Беляев О.] Кабинет Петра Великого. Издано по Высочайшему повелению Императорской Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. [Отд. 1]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1800.

¹² *Миллер Г. Ф.* О мореплавании на Север. Письмо к сочинителям Санкт-Петербургских примечаний // Примечания на Ведомости. Сентября 7 дня 1739 г. Ч. 72–73. С. 285–307; *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому Восточному морю с Российской стороны учиненных // Сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Январь–июнь. С. 3–27, 99–120, 195–211, 293–325, 389–409; июль–декабрь. С. 9–32, 99–129, 195–232, 309–336, 394–424.

историческом и географическом»¹³ способствовала знакомству просвещенных слоев общества с историей отечественных естественно-научных экспедиций и морских путешествий. Обращение Палласа к истории изучения этих территорий диктовалось как естественно-научными, так и политическими соображениями. По его мнению, открытия, сделанные русскими мореплавателями в Тихом океане, показали, что исследования прилегающих к нему территорий Азии и Северной Америки важны для естественной истории и сулят немало фундаментальных трудов. И они будут способствовать укреплению Российской империи на дальневосточных рубежах и в американских колониях.

В основанном им журнале «Новые северные записки» Паллас опубликовал результаты Тихоокеанских экспедиций М. Д. Левашова и П. К. Креницына на Камчатку, Алеутские острова и Аляску (1766–1774), сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1720–1727), напечатал описание двух плаваний Г. И. Шелихова на Курильские, Алеутские острова, на Аляску (1775) и к берегам будущей Русской Америки (1783–1786), дневники дона Мауреля и дона Бодега об исследованиях Северной Калифорнии в 1775 г. и многие другие материалы. Благодаря Палласу в Лейпциге увидели свет большие рукописи Г. В. Стеллера «Топографическое и физическое описание острова Беринг» (1781) и «Дневник морского путешествия» (1793). Последняя работа в том же году была опубликована в Петербурге на немецком языке в виде отдельной книги, но под другим названием «Путешествие с Камчатки в Америку с капитаном-командором Берингом».

Историко-научные сочинения Палласа по географии были призваны доказать приоритет России в освоении северной части Тихого океана, становившейся областью столкновения ее геополитических интересов с притязаниями Англии, Франции, Испании и США. Эти сочинения стали основой для составленной им программы многолетней экспедиции И. И. Биллингса (1785–1794), бывшего спутника знаменитого английского путешественника Дж. Кука, по исследованию Северо-Восточной Азии и островов северной части Тихого океана. История этой экспедиции была описана ее участником Г. А. Сарычевым в «Путешествии флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» (1802). Позднее он опубликовал записки И. И. Биллингса и Р. Р. Галла и классическую работу по истории морской географии «О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734–1742» (1820).

Паллас привнес в Россию традиции начинать труды по естественной истории краткими историческими обзорами, как это делали в своих сочинениях К. Линней, Ж. Бюффон, Б. Меррем, а также в изданиях Лондонского Королевского общества и Французской академии наук. В своих трудах Паллас приводит многочисленные биографические сведения о первых российских путеше-

¹³ Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой // Месяцеслов исторической и географической. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1781. С. 1–150.

ственников и естествоиспытателях. В этом отношении характерна его «Флора России», изданная первоначально на латинском языке¹⁴. В ней есть раздел, в котором названы литературные источники, имена предшественников, их труды и даны краткие биографии некоторых из них: Г. Шобера, И. Х. Буксбаума, Д. Г. Мессершмидта, И. Аммана, И. Гмелина, Г. Стеллера, С. П. Крашенинникова и др. Фактически это были первые биографии выдающихся естествоиспытателей, опубликованные в России. Паллас подчеркивал их вклад в развитие естественной истории, прежде всего в изучение флоры и фауны России, и приводил ряд рукописных материалов по ботанике, которые он использовал при написании этой книги. К сожалению, в русское издание этот историко-литературный раздел не вошел¹⁵.

Вкус к истории своих отраслей знания от учителей усвоили П. Б. Иноходцев, Н. Я. Озерецковский, С. Я. Румовский, В. М. Севергин. В конце века появились первые попытки дать целостную картину развития отдельных естественных наук в России, как, например, сочинения Н. М. Амбодик–Максимовича по истории физиологии.

Становление истории науки как отрасли знания

В XIX в. возрос интерес к когнитивной истории науки и её творцам. Ей было посвящено большое количество публикаций архивных материалов, книг, энциклопедий, биографических справочников. В различных изданиях выходят в свет биографии выдающихся ученых, переиздаются труды классиков науки. Краткие биографии отечественных ученых напечатаны в словарях В. Рихтера¹⁶, митрополита Евгения (Болховитинова)¹⁷ и Г. Н. Геннади¹⁸, а подробные — в многотомном «Русском биографическом словаре» (1893–1915). Творцам науки посвящено немало книг и в библиотеке «Жизнь замечательных людей», издававшихся Ф. Павленковым.

В этот период начались попытки осмыслить задачи и предмет истории науки и очертить ее место в системе знаний. Часть западных авторов рассматривали историко-научные сочинения как раздел философии науки. Именно так их понимал В. Уэвелл в трехтомной «Философии индуктивных наук от древности до современности», опубликованной в Англии в 1837 г. и переведенной в России только в 1869 г. Аналогичной позиции придерживались также О. Конт, Дж. Милль. Важнейшим компонентом культуры считал исто-

¹⁴ *Pallas, P. S. Flora rossica seu stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indegenarum descriptiones et icones jussu et auspiciis Catharinae II Augustae. Vol. 1. Pars 1. Petropoli, 1784. P. I–VIII.*

¹⁵ *Паллас П. С. Описание и изображения Российских произрастений, изданныя по велению Екатерины II Императрицы и самодержицы Всероссийской. СПб., 1784.*

¹⁶ *Richter, W. M. Geschichte der Medizin in Russland: 3 Th. Moskau, 1813–1817. Русский перевод: Рихтер В. История медицины в России. М., 1814–1820.*

¹⁷ *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Сочинения митрополита Евгения: В 2 т. М., 1845.*

¹⁸ *Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825: В 2 т. Берлин, 1876–1879.*

рию естествознания Г. Бокль. Вместе с тем усилилась тенденция рассматривать историю той или иной науки как ее важнейший раздел. Именно так оценивал свои труды по истории ботаники А. Декандоль. Исторические обзоры встречаются также в трудах Ж. Кювье, Ч. Лайеля, Ч. Дарвина, Э. Геккеля, К. Шпренгеля и других классиков биологии. С середины XIX в. появляются и первые монографические обзоры, посвященные истории различных отраслей естествознания. Историю науки в них расценивали прежде всего с точки зрения ее значения для современных исследований. Всецело господствовал позитивистский подход, согласно которому — начиная с античной Греции — шел непрерывный процесс накопления положительного знания, прерываемый лишь социальными катаклизмами типа падения Римской империи и господством религии в средние века.

Позитивистский подход получил особенно широкое развитие в России. Создаются специальные труды по истории ботаники¹⁹, зоологии²⁰, медицины²¹, географии²² и т. д. Все чаще появляются очерки по истории науки в популярных общественно-литературных журналах²³. Выходят многотомные труды, посвященные истории отдельных наук²⁴ или истории исследований отдельных регионов²⁵. Их главная цель — показать огромное значение той или иной отрасли знания для экономического и культурного развития России. В Санкт-Петербурге публикуется многотомная «Летопись открытий и изобретений касательно домашнего и сельского хозяйства, искусств и сохранения здоровья и жизни людей и животных».

Все большее внимание стали уделять и проблемам институционализации российской науки, истории научных и образовательных учреждений в Российской империи. Здесь пальму первенства прочно удерживали труды по истории Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Начиная с 1852 г.

¹⁹ *Bongard, H. D.* Esquisse historique des travaux sur la botanique entreprise en Russie depuis Pierre le Grand jusqu'à nos jours, et de la part que l'Académie a eue aux progrès de cette sciences // *Recueil des actes des séances publiques de l'Académie Impériale des St. Pétersbourg.* 1834. P. 83–108; *Рунрехт Ф. И.* Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской империи. СПб., 1845; *Литвинов Д. И.* Библиография флоры Сибири. СПб., 1909; *Бородин И. П.* Коллекторы и коллекции по флоре // Труды Ботанического музея АН. Вып. 4. СПб., 1908.

²⁰ *Brand, F.F.* Versuch einer kurzen Uebersicht der Fortschritte, welche die Kenntnisse der Thierschen Körper den Schriften der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg verdankt // *Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 Décembre, 1831.* St. Pétersbourg, 1832. P. 49–117.

²¹ *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.

²² *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний // *Записки Русского географического общества.* 1849. Кн.3. С. 215–253; Кн. 4. С. 260–283; Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного Императорской Академией наук в 1745 году, собранные в Архиве Академии наук Карлом Свенске... СПб., 1866.

²³ *Берх В.* Путешествия капитана-командора Беринга и капитана Чирикова // *Благонамеренный журнал* / Ред. В. П. Измайлов. 1818. Ч. 2. № 6. С. 305–321; *Берх В.* Разные известия и показания о Чукотской земле // *Северный архив.* 1825. Ч. 13. С. 164–201.

²⁴ *Пытин А. Н.* История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890–1904; *Köppen, F. Th.* *Bibliotheca zoologica Rossica Literatur über die Thierwelt Gesamtrusslands bis zum Jahre 1885 incl.:* In 2 Vde. СПб., 1908.

²⁵ *Мезгов В. И.* Сибирская библиография: В 3 т. СПб., 1891–1892.

в академических «Ученых записках» был введен отдел «Историко-литературная летопись Академии», где помещались извлечения из протоколов заседаний отделений и Общего собрания, сведения об изданиях, личном составе, экспедициях и т. д. Публикуются и крупные исторические обзоры.

Новый этап в развитии исследований по истории Академии наук прежде всего был связан с деятельностью академика А. А. Куника, который проявил интерес к истории Академии наук еще в 1844 г. и исследовал бумаги бывшего конференц-секретаря Я. Штелина в поисках сведений, интересных для академической истории²⁶. Впоследствии он издал бумаги Х. Вольфа, документы, связанные с В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым, составил обзоры и программу работы будущих исследователей истории Академии наук. Куник изложил программу в статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии», положившей начало серии очерков и публикаций архивных материалов по истории Академии в «Ученых Записках ИАН по I и III отделениям».

А. А. Куник выделил три группы вопросов, затруднявших написание истории Академии. Во-первых, «Первоначальный материал для истории Академии так рассеян и составляет такую огромную массу, что наперед невозможно и определить, сколько потребуется времени и трудов для его собрания, критического пересмотра и переработки... Второе, затруднение при выполнении этой мысли составляет ученая односторонность историков — односторонность естественная и неизбежная. При всей шаткости положения Академии в отношении к своей ученой деятельности, и несмотря на то, что ей не раз приходилось оставаться без представителей по разным и важным отраслям наук, она, со времени своего основания, в течение всего прошедшего столетия, говоря вообще, пользовалась значительною славой в ученом свете, долгое время считалась в России единственною представительницею науки и, с немногими перерывами, старалась поддерживать свою репутацию учеными трудами. Понятно, что оценку строго ученых трудов её по разным отраслям наук не может взять на себя одно лицо: этот труд надобно предоставить нескольким специалистам, которые, зная состояние своей специальной науки в XVIII веке, могли бы оценить заслуги тогдашних академиков этой отрасли в историческом ходе её развития»²⁷. И, в-третьих: «Всего же труднее для историографа Академии верно понять и изобразить её историю как *составную часть истории русского государственного и литературного быта в XVIII столетии*... Таким образом, для будущего историографа Академии открывается необходимость изучать множество источников, которые имеют лишь косвенное отношение к истории Академии, из которых донныне доступна только небольшая часть и для правильного употребления которых более или менее требуются талант и навык историка»²⁸. Как видно из приведенной об-

²⁶ Куник А. А. Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии от 1725 г. и 1749 г. // Ученые записки ИАН по II и III отделениям. 1853. Т. 1. Вып. 1.

²⁷ Куник А. А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки ИАН. Введение. 1853. Т. 2. Вып. 1. С. 141–142.

²⁸ Там же. С. 143.

ширной цитаты, Куник прекрасно сознавал необходимость дать историю Академии наук в широком социально-культурном и государственном контекстах, предопределив тем самым своеобразие петербургской школы историографов науки с их интересом не только к когнитивной истории, но и к социально-политическим, идеологическим факторам в развитии науки, а также к биографическим сведениям о ее крупнейших представителях.

С момента появления этого «манифеста» историков русской науки необходимость комплексного подхода к истории Академии становится очевидной и для представителей естественных наук. В 1865 г. Ф. И. Рупрехт в статье «Материалы для истории Императорской Академии наук по части ботаники» писал: «Мне неизвестно, что представляет история Академии по другим отраслям наук, но в той части, по которой я состою в Академии представителем, летопись этого учреждения показывает, что все трудом добытые ею плоды составляют результаты двух неравных факторов: внешней обстановки и личности деятелей. С этой точки зрения и составлена настоящая статья»²⁹. В том же году непреходящий секретарь Академии наук экономист и статистик К. С. Веселовский издал очерк научной деятельности Академии наук и тесно связанной с ней Императорской Российской академии за все время их существования. Одновременно вышли труды П. С. Билярского³⁰, А. А. Куника³¹ и В. И. Ламанского³², а также сборник очерков по истории академических музеев, написанных их директорами (Ф. Ф. Брандтом, Ф. И. Рупрехтом и др.)³³.

Идеи Куника были использованы и развиты в трудах П. П. Пекарского по истории Академии наук в XVIII в., которому Куник оказывал всяческое содействие в получении книг и рукописей из Архива и Библиотеки Академии³⁴. В частности, им опубликованы материалы Второй Камчатской экспедиции³⁵. Его «История Императорской Академии наук в Петербурге» фактически стала первой монографией по ее истории, продолжавшей начатое им исследование в работе «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862) о развитии интеллектуальной истории России³⁶. Первый том содержал жизнеописание и обзор научной деятельности членов АН, вступивших в нее между 1725 и 1742 гг., а второй том был посвящен М. В. Ломоносову и В. К. Тредиаковскому. Эта работа прервалась с болезнью и ранней смертью Пекарского и возобновилась лишь через несколько лет по инициативе прези-

²⁹ Рупрехт Ф. И. Материалы для истории Императорской Академии наук по части ботаники // Записки АН. 1865. Т. 7. С. 35.

³⁰ Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

³¹ Куник А. А. Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII в. СПб., 1865.

³² Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская академия наук. СПб., 1865.

³³ Очерки истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865.

³⁴ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 161.

³⁵ Пекарский П. П. Архивные разыскания об изображениях несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* (со снимком старинного изображения *Rhytina borealis*) // Записки АН. 1869. Т. 15. Кн. 1. С. 1–33.

³⁶ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб., 1870–1873.

дента Академии наук Д. А. Толстого, который сам написал несколько работ по истории Академии³⁷ и считал, «что при настоящем состоянии исторической науки представляется неотложною потребностью обнаружение материалов, в обилии хранящихся в различных архивах»³⁸. Под редакцией академика М. И. Сухомлинова были изданы десять фундаментальных томов «Материалов для истории Императорской Академии наук» (СПб., 1885–1900), каждый содержал более тысячи страниц, а также четыре тома протоколов заседаний Академии в XVIII в.³⁹ Им подготовлена и опубликована восьмитомная «История Российской Академии»⁴⁰, вошедшей в 1841 г. в состав Академии наук в качестве Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). С конца XIX столетия до начала 1930-х гг. Академия наук выпускала ежегодные справочники, содержащие, как правило, исторические сведения об ее учреждениях, комиссиях и премиях. Признавая важность опубликованных архивных материалов и трудов Д. А. Толстого, П. С. Билярского, П. П. Пекарского, А. А. Куника, М. И. Сухомлинова, К. С. Веселовский вместе с тем отмечал, что они фактически отражают лишь историю Академии наук за «первые сроки лет ее существования»⁴¹.

История естественных наук, по-прежнему, рассматривалась как часть соответствующей отрасли знания. Среди авторов историко-научных работ было немало ученых с мировой известностью, в том числе А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, И. М. Сеченов и др. Появляются и первые работы, посвященные истории Медико-хирургической академии, Горного института, Лесного института и других высших учебных заведений. Работы И. Шульгина, П. А. Плетнева, В. В. Григорьева, Д. А. Толстого положили начало систематическому изучению истории Санкт-Петербургского университета. Традиционными стали публикации биографических справочников о профессорах высших учебных заведений. К юбилейным датам различных научных учреждений и ученых выпускались прекрасно иллюстрированные книги⁴².

По двадцать и более томов содержали следующие серии фундаментальных изданий: «Материалы для истории русского флота», «Описание дел архива

³⁷ Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива АН // ОРЯС. 1885. Т. 38. № 5; Академический университет в XVIII столетии. По рукописным документам Архива АН // ОРЯС. 1885. Т. 38. № 6.

³⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 1.

³⁹ Протоколы заседаний Конференций Императорской Академии наук с 1725–1803 г.: В 4 т. СПб., 1897–1911.

⁴⁰ Сухомлинов М. И. История Российской Академии: В 8 т. СПб., 1874–1887.

⁴¹ Веселовский К. С. Несколько материалов для истории Академии наук в биографических очерках ее деятелей былого времени. I. Никита Попов, профессор астрономии, и Мартин Плацман, адъюнкт по математике // Записки АН. 1893. Приложение. Т. 73. Кн. 1. С. 1.

⁴² Исторический очерк Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада за последнее 25-летие его существования с 1873 по 1898 гг.: В 2 ч. / Составлен членами сада под ред. А. А. Фишера фон Вальдгейма. СПб., 1899; Липский В. И. Исторический очерк Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913): В 2 ч. СПб., 1913; Вельяминов Н. А. Максимилиановская лечебница. 1850–1890. СПб., 1890; С.-Петербургская городская Петропавловская больница: 1835–1910. СПб., 1910.

Морского министерства за время с половины XVII до начала XVIII вв.», «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (1746)», «Сенатский архив» и др., в которых публиковались ценные архивные материалы по истории отечественной науки и развитию образования в России. При этом важно отметить, что в пореформенном Санкт-Петербурге трудно как-то выделить вклад академической науки в изучение её истории, потому что академики, как правило, одновременно работали в Санкт-Петербургском университете и в других высших учебных заведениях столицы.

Начало институционализации истории науки

В конце XIX века статус науки в русском обществе значительно возрос, а вместе с ним выросла и общественная потребность в осознании отечественной интеллектуальной истории, воспринятая Академией наук. Для подготовки и празднования 200-летнего юбилея со дня рождения М. В. Ломоносова была создана специальная комиссия, в которой активное участие принял В. И. Вернадский, опубликовавший серию статей по истории геологии в России. Характерно, что юбилейные торжества руководство Академии наук использовало для того, чтобы убедить императора и власти столицы в необходимости создания специального Ломоносовского института и постройки нового здания для академической библиотеки.

В 1912 г. академическое сообщество возобновило организованное изучение своего прошлого, прерванное в начале века со смертью Сухомлинова. Поводом к исследованию новейшего периода (1889–1914) в жизни Академии стало 25-летие деятельности президента АН великого князя Константина Константиновича Романова. Тогда было задумано четырехтомное издание «Императорская Академия наук (1889–1914)», но было выпущено только два тома — второй и третий⁴³, содержащие исторические очерки о научных и административных учреждениях Академии и 93 биографии и автобиографии академиков. В условиях нараставшего экономического и социально-политического кризиса, завершившегося революцией и крахом Российской империи, это издание по академической истории, как и все предыдущие, не было закончено.

Возвращение из Москвы в Петербург В. И. Вернадского, читавшего курсы лекций по всеобщей и отечественной истории науки, сыграло особую роль в институционализации историко-научных исследований. В 1914 г. была предпринята первая попытка как-то организационно оформить исследования по истории науки⁴⁴. В обстановке патриотического подъема, связанного с началом Первой мировой войны, учреждается Комиссия по истории Академии наук, в которую вошли Л. С. Берг, А. А. Борисяк, В. И. Вернадский,

⁴³ Материалы для истории Императорской Академии наук в 1889–1914 гг. [II:] Материалы для истории академических учреждений ... Ч. 1. Пг.: 1917 [1918]; [III:] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 2: М–Я. Пг., 1915 [1918].

⁴⁴ Есаков В. Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 3.

А. Н. Крылов и др. В 1915 г. Вернадский сдал в печать очерк «Академия наук в первое столетие своей истории», который был набран, но так и остался в корректуре. (И только в 1988 г. этот очерк был издан в книге В. И. Вернадского «Труды по истории науки в России».)

Под влиянием вышедшей коллективной монографии «Французская наука» (сентябрь, 1915) в декабре 1916 г. Общее собрание АН приняло решение создать комиссию и подготовить коллективный труд, в котором необходимо было «показать, как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, лабораторий и опытных станций становятся доступными все более и более широкому кругу лиц»⁴⁵. В феврале 1917 г. состоялось первое заседание комиссии «Русская наука», как она именовалась в документах. Возглавлял ее выдающийся историк академик А. С. Лаппо-Данилевский, а после его смерти непреременный секретарь Академии наук востоковед С. Ф. Ольденбург. К сожалению, военная разруха не позволила завершить задуманный труд, в котором участвовали свыше 50 авторов. По словам Ольденбурга в Публичном заседании Академии наук 29 декабря 1919 г., он дал бы «картину того крупного научного подвига, который внесен русскими учеными в мировую сокровищницу науки»⁴⁶. Он говорил о необходимости издания трудов классиков математики Н. И. Лобачевского, М. В. Остроградского, Е. И. Золотарева.

14 мая 1921 г. Общее собрание РАН заслушало предложение В. И. Вернадского об учреждении Комиссии по истории знаний (КИЗ). Вернадский подчеркивал огромное значение истории науки для выявления истины, «для правильной оценки современного знания и техники и для создания столь необходимой, особенно у нас, преемственности научного творчества, осознанности значения и непрерывности научной работы в определенной, имеющей корни в научной мысли страны, области»⁴⁷. Это предложение было одобрено. Председателем КИЗ, созданной при Общем собрании РАН, был избран Вернадский, его заместителем стал философ Э. Л. Радлов, а ученым секретарем — историк Г. П. Блок. О громадном значении деятельности КИЗ сказал Ольденбург в отчете о деятельности Академии наук за 1921 г.: «Нас поражает то отсутствие экономии научного труда, то отсутствие планомерности и организованности научной работы, какое мы встречаем во всех областях». Лучшее средство для борьбы с этим, по его мнению, будет «знакомство с историей знания, с развитием научной мысли и её проявлениями на протяжении веков

⁴⁵ Отчет о деятельности Российской академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непререженным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в Публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг., 1917. С. 8.

⁴⁶ Отчет о деятельности Российской академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1919 год, составленный непререженным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в Публичном заседании 29 декабря 1919 г. Пг., 1919. С. 4.

⁴⁷ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. М., 1986. С. 191.

же»⁴⁸. Первоначально в ее планы не входило изучение истории Академии наук, которой должна была заниматься специальная комиссия⁴⁹. Тем самым существенно расширились рамки историко-научных исследований в Академии наук, подчеркивалось их превращение в специальную отрасль знаний.

Однако реальная работа КИЗ началась только в 1926 г., когда Вернадский вернулся из-за границы, где находился в течение 4 лет⁵⁰. В ней участвовали представители различных отраслей науки, в том числе президент АН СССР геолог А. П. Карпинский, вице-президенты математик В. А. Стеклов, минералог А. Е. Ферсман, неперемный секретарь востоковед С. Ф. Ольденбург, а также действительные члены двух отделений РАН В. В. Бартольд, В. П. Бузескул, А. А. Борисяк, К. Д. Глинка, Е. Ф. Карский, Д. П. Коновалов, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, А. П. Павлов, С. Ф. Платонов, Б. А. Тураев и др. Это обеспечивало не только комплексность охвата истории знания, но и высокое качество исследований. На этом этапе еще не было дифференциации истории естественных и гуманитарных наук. Все члены Комиссии, включая ее руководство, работали, по выражению Вернадского, «даром», т. е. на общественных началах. В 1928 г. ученым секретарем КИЗ был назначен биолог М. М. Соловьев. Это была первая штатная единица КИЗ. При этом ряд внештатных сотрудников КИЗ занятием историей использовали как вспомогательное средство для убеждения общества и власти в необходимости их наук, что неизбежно придавало их трудам дидактический характер.

КИЗ развивалась как общеакадемическое учреждение, находившееся в ведении Общего собрания. В составе КИЗ функционировали специальные подкомиссии — по изучению наследия К. М. Бэра, К. Ф. Вольфа, подготовке к изданию собрания сочинений М. В. Ломоносова, материалов экспедиции В. Беринга, переписки А. О. и В. О. Ковалевских и т. д. Бэровская подкомиссия издала первый выпуск бэровского сборника. Второй выпуск был подготовлен к печати, но опубликован не был. Из запланированных материалов для второго сборника была издана только работа Е. Н. Павловского «Академик К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия» (М.; Л., 1948). Ломоносовская подкомиссия продолжала начатую в XIX в. академиком Сухомлиновым работу по подготовке научного издания собрания сочинений М. В. Ломоносова. Результаты деятельности КИЗ нашли воплощение в четырнадцати выпусках ее изданий: «Трудах» и «Очерках по истории знаний», выходявших с 1927 г., в организации ряда выставок. Велись работы по созданию при КИЗ музея по истории знаний. На заседаниях КИЗ обсуждались доклады о жизни и творчестве выдающихся отечественных и зарубежных ученых, развитии отдельных отраслей науки и техники.

Многие из изданий КИЗ не утратили своего значения и в наши дни. Продолжают сохранять актуальность идеи Вернадского, Ольденбурга и других ученых о необходимости развития историко-научных исследований для са-

⁴⁸ Документы по истории Академии наук СССР... С. 225–226.

⁴⁹ СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 27. Л. 74.

⁵⁰ Орел В. М., Смагина Г. И. Комиссия по истории знаний (1921–1930). Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов. СПб., 2003.

мой науки, ее правильного планирования и организации, о принципах работы специальных учреждений по истории науки, их роли и месте в Академии наук, высказанные в период функционирования КИЗ.

«Коренная реорганизация» и «большевизация» АН СССР прямо затронула КИЗ. Во время «чистки» АН СССР комиссия Ю. П. Фигатнера уволила М. М. Соловьева. Около 25 членов КИЗ были арестованы по «академическому делу». Среди них главные его фигуранты: академики С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, Е. В. Тарле, члены-корреспонденты В. Н. Бенешевич, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, С. В. Рождественский и секретарь Археографической комиссии А. И. Андреев. В этих условиях КИЗ становится объектом пристального внимания со стороны коммунистической и профсоюзной организаций, пытавшихся на место ученого секретаря внедрить марксистов: философа М. Л. Ширвиндта или юриста В. М. Догадова. Вернадскому и его новому заместителю академику И. Ю. Крачковскому пришлось приложить немало сил, чтобы не допустить их к руководству КИЗ и добиться назначения на эту должность историка С. Н. Чернова.

Во время обсуждения нового Устава АН СССР позиция Вернадского вызвала новую волну недовольства. Предпринимались попытки упразднить КИЗ или по крайней мере перевести ее из подчинения Общему собранию АН СССР в Отделение общественных наук. Приходилось вновь и вновь доказывать, что в силу комплексности историко-научных исследований статус КИЗ не должен меняться. Сомнения в целесообразности ее сохранения высказывал не только новый непреременный секретарь АН СССР марксист В. П. Волгин, но и академики геолог А. Д. Архангельский и математик А. Н. Крылов. В принятом в мае новом Уставе АН СССР было записано требование — исследования комиссии строить на базе марксистской методологии, и они должны были способствовать строительству социализма. 3 октября 1930 г. Вернадский отказался от руководства КИЗ, и ее председателем стал видный деятель ВКП(б) академик Н. И. Бухарин, незадолго до этого выведенный из состава Политбюро как один из лидеров и главный теоретик правой оппозиции. По его инициативе в КИЗ были сформированы 8 групп по истории естественных наук, одна по истории техники и три по гуманитарным наукам. Во главе их поставлены ведущие специалисты по соответствующим отраслям знания (Л. С. Берг, Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, В. А. Обручев, С. Ф. Ольденбург и др.). Был составлен грандиозный план исследовательской работы и изданий, причем большая его часть должна была выполняться на общественных началах, включая исследования самого Н. И. Бухарина и его заместителя А. М. Деборина. В соответствии с пропагандируемой тогда линией на овладение передовой западной наукой в планах большое внимание уделялось зарубежным ученым и их открытиям.

Назначение Бухарина руководителем КИЗ положило начало традиции обращения к истории науки лиц, попавших по тем или иным причинам в опалу у властей предрежущих. Это назначение привлекло внимание к истории науки в обществе, судьба которой отныне нередко напрямую зависела от внутрипартийной расстановки сил. 29 июня — 3 июля 1931 г. советская делегация во главе с Н. И. Бухариным участвовала в работе Второго международного

конгресса по истории науки и техники, проходившего в Лондоне. По инициативе Бухарина этому событию придавалось громадное политическое значение. Вопрос о составе делегации не раз обсуждался на заседаниях Политбюро⁵¹. На иностранных участников особое впечатление произвели доклады Н. И. Бухарина о теории и практике с позиций диалектического материализма и Б. М. Гессена о социально-экономических корнях механики И. Ньютона. Последний доклад в зарубежной литературе расценивают как одну из первых плодотворных попыток рассмотреть историю формирования конкретной научной теории в социально-культурном контексте. Этот доклад предопределил на десятилетие развитие социальной истории науки Нового времени в ее крайне экстерналистском варианте.

Институт истории науки и техники

Благодаря громадному политическому влиянию Н. И. Бухарина и его организаторским способностям удалось вопреки всем сложностям не только сохранить КИЗ, но и добиться ее преобразования в Институт истории науки и техники (1932–1938). Среди факторов, способствовавших институционализации истории науки в рамках специального учреждения с постоянным штатом, периодикой и т. д., следует назвать и общий рост плано-организационного начала в Академии наук (в ходе ее «советизации»), и расширение сети научных учреждений в начале 1930-х гг., а также успешный визит советской делегации в Лондон. 25 февраля 1932 г. Бухарин предложил создать на базе КИЗ Институт истории науки и техники (ИИНИТ), мотивируя это тем, что «область исследовательской работы КИЗ обширна и представляет собой совершенно особую дисциплину, привлекающую к себе все большее внимание в буржуазных государствах и имеющую еще неизмеримо большее значение в СССР»⁵².

28 февраля 1932 г. Общее собрание приняло постановление об организации такого института. В положении об ИИНИТ говорилось, что его задача состоит в «изучении истории науки и техники всех стран с древнейших времен и до настоящего времени»⁵³. Первоначально ИИНИТ находился в ведении Общего собрания⁵⁴. Первым директором института был Н. И. Бухарин, его заместителем — академик философ А. М. Деборин, ученым секретарем — медиевист М. А. Гуковский. Учитывая, что Бухарин и Деборин жили в Москве и руководили институтом «наездами», по-прежнему на общественных началах и без зарплаты, Гуковский фактически направлял всю повседневную научно-организационную работу и проводил кадровую политику. Структура

⁵¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 106–109.

⁵² Орел В. М., Смагина Г. И. Новые документы о деятельности Комиссии по истории знаний (к 70-летию организации) // ВИЕТ. 1991. № 2. С. 65.

⁵³ СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1932. Д. 260. Л. 67.

⁵⁴ Кольцов А. В. Научно-организационная деятельность академика Н. И. Бухарина в Академии наук СССР // Н. И. Бухарин. Избранные труды. Л., 1988. С. 432.

*Завотделом науки ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман и академик Н. И. Вавилов
во время XV Международного физиологического конгресса, 1935 г.*

института строилась с таким расчетом, чтобы под руководством крупнейших ученых обеспечить развитие исторических исследований по главным отраслям науки и техники. Заведующими секциями были академики В. Ф. Миткевич, позднее М. А. Шателен (секция техники), С. И. Вавилов (физики и математики), Н. И. Вавилов (агрокультуры), С. Ф. Ольденбург, позднее И. Ю. Крачковский (Академии наук). Размещались ИИНИТ и Музей истории науки и техники в Главном здании Академии наук в Ленинграде, часть экспонатов хранилась в различных помещениях на стрелке Васильевского острова.

За короткий срок удалось создать удачный «ансамбль» научных сотрудников, многие из которых работали на договорных началах. Среди них были как начинающие исследователи, так и весьма авторитетные специалисты (И. А. Боричевский, М. Я. Выгодский, П. П. Забаринский, В. А. Каменский, И. И. Любименко, С. Я. Лурье, М. И. Радовский, Н. М. Раскин, М. Е. Сергиенко, Е. Ч. Скржинская, М. М. Соловьев, М. А. Тиханова, Н. С. и Е. И. Чаевы и др.). Люди новой формации преобладали среди историков техники, получивших образование в период «культурной революции». Как справедливо отметил А. Н. Дмитриев, в годы массовых чисток и реорганизаций традиционных научных и учебных заведений, оставивших многих талантливых гуманитариев без средств к существованию, ИИНИТ оказался для некоторых из них нишей для выживания, дал возможность работать, хотя и в новой области знаний, но с использованием опыта предшествовавшей научной деятельности⁵⁵. Здесь работали бывший ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм, экономист И. М. Кулишер, монголовед Н. Н. Поппе, историк С. В. Вознесенский, археограф Е. И. Чаева. По «академическому делу» в лагере оказались тесно сотрудничавшие с секцией истории Академии наук института историк А. Н. Шебунин и ученый секретарь Археографической комиссии А. И. Андреев. Византист член-корреспондент АН В. Н. Бенешевич в 1933 г. предложил институту разработку истории освоения производительных сил Ухтинского района и Печорского края в XVIII в. — тех мест, откуда он освободился из заключения по «академическому делу».

По сравнению с КИЗ — ИИНИТ расширил число изданий серий трудов по истории науки и техники⁵⁶. На страницах новой серии «Архив истории науки и техники» публиковались крупные обобщающие статьи, новые документы и материалы, давалась информация о новейших историко-научных работах в нашей стране и за рубежом. Выходили и еще четыре серии трудов, в том числе сборники «Всеобщая история машин», «Фундаментальная история техники». Институт выпускал и крупные монографии, в частности, в 1936 г. в IV серии «Трудов ИИНИТ» увидели свет монография Б. Л. Богаевского «Техника первобытно-коммунистического общества» и «Очерки истории техники докапиталистических формаций» (под редакцией В. Ф. Миткевича), заложившие традиции отечественных исследований истории техники в широком социально-культурном контексте. Тогда же в III серии «Трудов» была напечатана книга Д. В. Ефремова и М. И. Радовского «Электродвигатель в его историческом развитии. Документы и материалы». Публиковались книги о выдающихся деятелях науки и техники. Вышли шестой и седьмой тома Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, подготовленные Б. Н. Меншуткиным еще в 1911 г., а также принято решение о подготовке нового

⁵⁵ Дмитриев А. Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. // ВИАТ. 2002. № 1. С. 7.

⁵⁶ Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993. С. 163–164; Кирсанов В. С. Возвратиться к истокам? Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 // ВИАТ. 1994. № 3. С. 3–19; Кривоносов Ю. И. Институт истории науки и техники: тридцатые — громовые, роковые... // ВИАТ. 2002. № 1. С. 74–75.

10–12-томного издания, реализация которого пришлась уже на послевоенное десятилетие.

Большое внимание уделялось популяризации историко-научных знаний. В V серии были подготовлены сборники «Техники и изобретатели крепостной России» и «Пионеры машинной индустрии». По инициативе сотрудников института и под его эгидой проводились торжественные заседания, посвященные юбилейным датам таких выдающихся ученых, как Ч. Дарвин, К. Ф. Вольф, Н. Е. Жуковский, Ж. Л. Лагранж, В. В. Петров, А. Н. Пыпин, К. Э. Циолковский, Л. Эйлер и др., а также различным знаменательным событиям в истории науки и техники. Сотрудники института перевели и издали монографии ведущих западных историков науки и техники — Ф. Данеманна, Г. Дильса, Ф. Розенберга, Л. Ольшки, П. Таннери, Г. Г. Цейтена. Это позволило широкой общественности ознакомиться с современной западноевропейской литературой и поддерживать соответствующий уровень институтских изданий. Хотя часть сотрудников писали свои труды с позиций марксизма (историк философии и методолог науки И. А. Боричевский, философ и биолог Я. М. Урановский, немецкие эмигранты физик Х. И. Гарбер и ученик Э. Геккеля эмбриолог Ю. Шаксель), это был академический, а не вульгарно-идеологический марксизм. Работы самого Бухарина, например «Маркс», свидетельствовали о глубоком понимании истории науки и начатом им пересмотре собственной политико-экономической трактовки марксизма в пользу гуманистической интерпретации коммунистического учения. Примером творческого подхода Бухарина к истории науки служит недавно установленный его приоритет в термине «синтетическая теория эволюции», предложенном для обозначения современного дарвинизма. Этот термин впервые прозвучал 19 апреля 1932 г. в докладе Бухарина «Маркс и Дарвин» на совместном заседании АН СССР, ВАСХНИЛ и Комакадемии, посвященном 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина⁵⁷. Ленинградские историки науки старались избегать поверхностных социологических и политических оценок и уделяли основное внимание когнитивной истории. К весне 1934 г. было почти закончено создание Музея истории науки и техники. Но в 1936 г. из-за перевода института из Ленинграда в Москву эта работа прервалась, коллекции в конечном счете оказались в Эрмитаже и других ленинградских музеях, а часть из них была потеряна.

История науки, как и любая другая область знаний, особенно гуманитарных, в сталинской России не избежала проработок и гонений, усиленных конкуренцией со стороны молодых марксистов-историков науки и техники, концентрировавшихся главным образом в Москве вокруг кабинета по истории естествознания в Коммунистической академии и Комиссии по марксистской истории техники при Комитете по высшему техническому образованию. Московским специалистам-выдвиженцам во главе с А. А. Зворыкиным и Е. Ф. Радуловым были органически чужды как специалисты старой школы, так и неортодоксальные марксисты образца 1920-х гг., находившиеся под влиянием Н. И. Бухарина. Соперничество двух групп документально запечатле-

⁵⁷ Хосфельд У., Юнкер Т., Колчинский Э. Протагонисты и главные научные труды по эволюционному синтезу в немецком языковом пространстве // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 76.

но в отрицательных рецензиях на московские сборники по «Истории техники», опубликованные в изданиях ИИНИТ, и в критике работ ленинградского института в журналах «Под знаменем марксизма», «Книга и пролетарская революция». Многие рецензии Ш. Гуревича, Н. Д. Данилевского и особенно В. Т. Дитякина и А. А. Максимова скорее были похожи на политические доносы, чем на научную критику. Сотрудники ИИНИТ и их труды обвинялись в немарксизме, академизме, отрыве от практики социалистического строительства, незрелости, эклектике, мелкотемье и т. д.

В условиях «большого отката» после провала «культурной революции» в начале 1930-х гг. и перехода от политики пролетарского интернационализма к идеологии «советского государственного патриотизма» от сотрудников ИИНИТ начинали требовать доказательств приоритета отечественных ученых перед зарубежными. На смену представлениям о пролетарской науке внедрялись идеи о «советской науке», базирующейся на национальных традициях передовых дореволюционных ученых. В научный лексикон возвращались, казалось бы, забытые после революции клише типа «великая родина», «великий русский народ» и вводились новые, типа «советский патриотизм». В развитии патриотического дискурса особое место заняли юбилеи ученых, организуемые каждый раз по решениям Политбюро ЦК ВКП(б) как национальные праздники. Начало было положено празднованием столетней годовщины со дня рождения Д. И. Менделеева, проходившим под контролем Политбюро ВКП(б)⁵⁸. 10 сентября 1934 г. в передовой статье «Правды» было заявлено: «Все лучшее, что есть в рядах ученых мира, тяготеет к нашей стране, осваивающей культурное наследство... Мировой научный центр все более перемещается в СССР...». Осенью 1936 г. 225-летний юбилей со дня рождения М. В. Ломоносова превратился в чествование «гениального сына великого русского народа». Не забывались и юбилеи здравствующих ученых, по тем или иным соображениям причисленных к классикам.

В апреле 1934 г. институт передали в состав Отделения общественных наук, что означало некоторое снижение его статуса и ослабляло позиции в конкуренции с московскими ортодоксальными историками-марксистами. Противостояние завершилось победой последних и фактическим закрытием ИИНИТ в конце весны — начале лета 1936 г. Непосредственным поводом стали аресты партийных сотрудников института — С. Ф. Васильева, Х. И. Гарбера и Я. М. Урановского. Это позволило московской группе историков техники претендовать на руководство в области истории науки после роспуска Комакадемии в начале 1936 г. Сказалось и ослабление позиций Бухарина — накануне полного ниспровержения — в глазах высшего партийного начальства и тогдашнего руководства АН СССР (Н. П. Горбунова, Г. М. Кржижановского), тесно связанных с ним. Политические обвинения в адрес Бухарина становились все резче и опаснее, а борьба с «меньшевистствующим идеализмом» (хотя Деборин и был в те годы членом Президиума АН СССР) по-прежнему считалась первоочередной в марксистской филосо-

⁵⁸ Академия наук в решениях Политбюро... С. 131, 132, 155, 156.

фии. Практически все его ученики и последователи погибли во время сталинских репрессий. Академическая деятельность историков науки в Ленинграде была свернута⁵⁹. Сотрудники были обвинены в низкой квалификации, в выборе случайных исследовательских тем и в срыве сроков их выполнения. В результате 30 тем из 32 были исключены из плана, а также аннулированы еще 18 договоров⁶⁰.

Перевод института в Москву на деле означал полную ликвидацию прежнего коллектива: сохранение в штате таких признанных полезными специалистов, как С. Я. Лурье или Г. Э. Гариг, оставалось чисто номинальным. Однако и в Москве судьба института была трагической. Сосредоточенный на изучении отраслевой истории техники московский ИИНИТ просуществовал недолго. Практически его работа так и не началась. Начавшийся «большой террор» парализовал деятельность многих научных коллективов. ИИНИТ не был исключением. В феврале 1937 г. арестовали Бухарина, вскоре та же участь постигла нового директора академика В. В. Осинского. Оба они погибли в сталинских застенках. Из 21 члена ученого совета ИИНИТ по меньшей мере восемь были расстреляны или погибли в ГУЛАГе — Н. И. Вавилов, Б. М. Гессен, С. Ф. Васильев, М. Л. Левин, С. Г. Томсинский, Я. М. Урановский и др. В феврале 1938 г. был репрессирован и сам институт: 5 марта постановлением Президиума АН СССР его окончательно закрыли⁶¹.

Комиссия по истории Академии наук

Разгром института, аресты и расстрелы многих его сотрудников затормозили развитие историко-научных исследований, но не смогли повернуть вспять процесс институционализации истории науки в Ленинграде. Выпуск девяти томов «Архива истории науки и техники», публикация целой серии монографий и переводов западных авторов, сборников документов по истории отдельных отраслей техники или сельского хозяйства поставили ленинградский институт истории науки и техники в первый ряд учреждений аналогичного профиля во всем мире и сделали историков науки и техники неотъемлемой частью академического сообщества. Проблематика историко-научных исследований утвердилась в поле исторических дисциплин как отрасль знания со своей спецификой, методами и проблематикой, а не как сугубо вспомогательно-исторический раздел естествознания. Даже те специалисты института, которые после 1936 г. отошли от занятий «чистой» историей науки (например, Гуковский или Скржинская), возвращались к этой проблематике в последующие годы — это свидетельствует о том, что для них историко-научные занятия в середине 1930-х гг. не были сугубо конъюнктурной утилизацией их знаний в обстановке времени. Не желали мириться с потерей организационной структуры по истории науки В. И. Вернадский, С. И. Вавилов, И. Ю. Крачковский и их единомышленники. Стремясь возродить прежде всего исследова-

⁵⁹ Дмитриев А. Н. Институт истории науки и техники... С. 20–22.

⁶⁰ Там же. С. 39–41.

⁶¹ Кривоносов Ю. И. Институт истории науки и техники... С. 66.

ния по истории Академии наук, они стали добиваться создания соответствующей Комиссии по истории науки при Архиве АН СССР в Ленинграде. Работа по ее созданию началась в 1937 г., когда ИИНИТ формально еще существовал. Первоначально предполагалось создать Комиссию по истории Академии наук в составе: председатель — А. М. Деборин, заместители — В. И. Вернадский и Б. Д. Греков, ученый секретарь — А. А. Елисеев⁶². В письме Деборину в Отделение общественных наук АН СССР Г. А. Князев писал, что «работа по созданию истории Академии наук могла бы развернуться в двух планах: а) по написанию краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования; б) по созданию монографий по истории кафедр и учреждений Академии наук»⁶³.

Организационный период длился меньше года. Уже 17 марта 1938 г., через двенадцать дней после официальной ликвидации ИИНИТ, Президиум АН СССР принял решение о необходимости организовать при Архиве АН СССР Комиссию по изучению истории Академии наук и русской науки. 17 июля ученый совет Архива АН СССР постановил: просить Президиум ускорить организацию комиссии. 9 сентября Князев направил письмо Деборину (копии — в Президиум и С. И. Вавилову) с сообщением, что по решению ученого совета Архива комиссию «необходимо организовать при Архиве АН СССР под ведением Ученого совета Архива с 1 октября 1938 г. в составе: председатель комиссии академик С. И. Вавилов, заместитель председателя директор Архива АН СССР Г. А. Князев, и два штатных старших научных сотрудника — С. Н. Чернов и А. А. Елисеев, одновременно исполняющий обязанности ученого секретаря»⁶⁴. Обосновывая свое предложение, Князев писал Деборину: «Наиболее подходящими кандидатурами для занятия этих должностей являются доктор истории С. Н. Чернов и научный сотрудник А. А. Елисеев. Первый — давно занимается вопросами истории Академии наук в связи с историей русской науки и хорошо известен своими трудами в этой области, второй работает по вопросам истории физики под руководством С. И. Вавилова»⁶⁵.

15 ноября 1938 г. Президиум АН СССР принял постановление о создании в Ленинграде Комиссии по истории Академии наук (КИАН), которую возглавил С. И. Вавилов. В ее состав вошли также академики В. И. Вернадский, Б. Д. Греков, С. А. Зернов, А. Н. Крылов, В. В. Струве, В. Е. Тищенко и др. Согласно составленному Князевым и Любименко плану предполагалось, что работа сконцентрируется на написании краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования и серии монографий по истории кафедр, комиссий, институтов и других учреждений Академии наук⁶⁶. К работе по созданию исторического очерка Академии наук первоначально были приглашены И. И. Любименко и С. Н. Чернов (XVIII в.), А. И. Андреев (конец

⁶² СПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–4.

⁶³ Там же. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Л. 5.

⁶⁵ СПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.

⁶⁶ Там же. Л. 12.

XVIII – нач. XIX вв.) и Б. Г. Кузнецов (XIX – XX вв.). Исследования по истории отдельных учреждений предполагалось поручить ведущим специалистам в соответствующих областях знания (история химии — Б. Н. Меншуткину, физики — академику С. И. Вавилову и А. А. Елисееву). Кроме того, готовились «Ломоносовский сборник» и сборник «П. Н. Лебедев и русская физика в начале XX в.». Первый вариант «Очерка истории Академии наук» был написан к июню 1941 г. и должен был быть сдан в печать к концу года⁶⁷. Но помешала война, во время которой вновь существенно изменились политические установки, и подготовка тома к печати растянулась еще на пять лет.

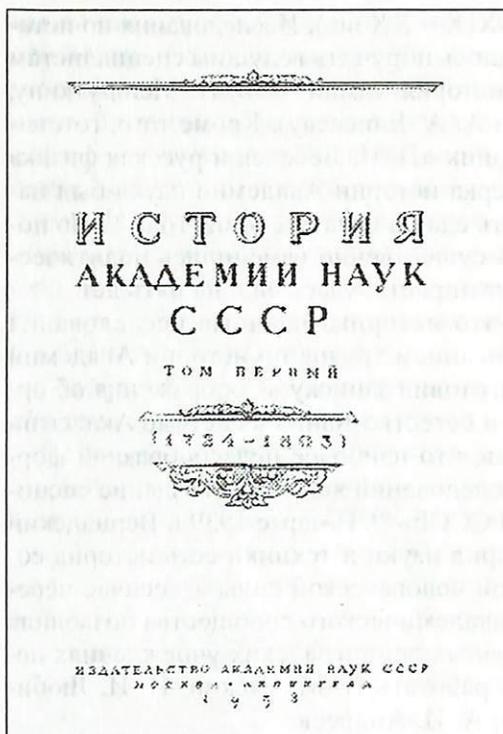
Вместе с тем Вернадский считал, что историко-научные исследования не должны ограничиваться только написанием трудов по истории Академии наук и ее учреждений. В 1939 г. он подготовил записку «Соображения об организации работы по истории техники и естествознания в системе Академии наук СССР», в которой подчеркивалось, что наиболее целесообразной формой организации историко-научных исследований является «создание специального института при Президиуме АН СССР»⁶⁸. В марте 1939 г. Вернадский писал академику И. П. Бардину: «История науки и техники есть история создания на нашей планете новой мощной человеческой силы — сейчас перерабатывающей биосферу»⁶⁹. Позиция академического сообщества позволила сохранить кадры историков науки. В разных ленинградских учреждениях историко-научного профиля продолжали работать Н. М. Раскин, И. И. Любименко, М. И. Радовский, А. А. Елисеев, А. И. Андреев.

В годы Великой Отечественной войны интерес к истории науки и техники возрос. История науки все больше идеологизировалась и использовалась для воспитания у советских людей чувства гордости за отечественную науку. Обществоведы писали статьи и брошюры, выступали с лекциями и докладами в тылу и на фронте, рассказывая слушателям о славных достижениях отечественной науки. Президиум Академии наук СССР и академические институты совместно с Комиссией по истории Академии наук проводили заседания, посвященные памяти крупнейших деятелей науки и техники России, а также союзных стран. В ознаменование 300-летия со дня рождения И. Ньютона в 1943 г. в Москве состоялось торжественное заседание. В том же году под редакцией С. И. Вавилова увидел свет коллективный труд «Исаак Ньютон (1643–1727). Сборник статей к 300-летию со дня рождения». В 1944 г. под руководством крупных ученых создаются Комиссии по истории техники (академик Б. Н. Юрьев), физико-математических наук (академик А. Н. Крылов), истории химии (академик А. Е. Арбузов), а 22 ноября 1944 г. было принято постановление СНК СССР о создании Института истории естествознания АН СССР во главе с президентом АН СССР В. Л. Комаровым. Ему была поручена разработка истории мирового, и особенно русского, естествознания.

⁶⁷ Кольцов А. В. Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 148.

⁶⁸ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 296.

⁶⁹ Вернадский В. И. Из писем разных лет / Публ. и прим. С. Р. Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 109.

*Титульный лист книги
«История Академии наук СССР.
Т. 1 (1724-1803)» М.: Л., 1958*

Новый институт стал функционировать с 9 февраля 1945 г. в обстановке ощущения скорой победы над нацистской Германией. 15 июня – 3 июля 1945 г. в ознаменование 220-летия Академии наук в Москве и Ленинграде проходила Юбилейная научная сессия. К этой дате Архив и Комиссия по истории Академии наук организовали в Главном здании Академии на Университетской набережной большую выставку «Документы по истории Академии наук за 220 лет». Интересно отметить, что свой вклад в празднование юбилея внесло и Архивное управление НКВД СССР, организовавшее выставку документов, чертежей и гравюр, связанных с историей Академии наук. 2 августа Президиум АН СССР принял решение об учреждении серии «Материалы к библиографии ученых СССР». В том же году в семи выпусках вышли «Очерки по истории Академии наук, 1725–1945».

Отныне все юбилеи крупных отечественных ученых отмечались грандиозными мероприятиями, одобренными высшим партийно-государственным руководством. Огромными тиражами издавались собрания сочинений классиков естествознания. Появилось большое количество работ, посвященных российским биологам, физикам, математикам, географам и химикам. Многие из них уже несли на себе отпечаток развернувшейся в конце 40-х гг. борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством» перед Западом. Наряду с отечественными учеными, вписавшими золотые страницы в историю мировой науки, из забвения извлекались имена ее популяризаторов. Велся поиск реальных и мнимых доказательств приоритета отечественных ученых перед западными. Тогда и родился известный анекдот о России как родине слонов. Проблемы истории отечественной науки рассматривались на проходившей в Ленинграде сессии Академии наук по этой теме. В первый день, 5 января 1949 г., состоялось открытие Музея М. В. Ломоносова в здании Кунсткамеры.

В 1950 г. под редакцией С. И. Вавилова вышли в свет «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)», которые представляли, по сути, первый опыт хронологической летописи Академии наук СССР, а также содержали справочно-библиографические сведения об ученых — академиках, членах-корреспондентах и лауреатах академических премий. Вместе с тем книга имела массу недостатков, обусловленных прежде всего

*Группа истории биологии ЛО ИИЕТ АН СССР.
Слева направо: Т. А. Лукина, Б. Е. Райков, Н. Н. Банина,
К. В. Манойленко, П. П. Перфильев.
8 июня 1961 г.*

социально-политической обстановкой непрерывных идеологических кампаний, развернутых в эти годы в области биологии, физики, химии и т. д. Из нее выпали имена и достижения репрессированных ученых и учреждений, а на передний план нередко выдвигались второстепенные фигуры, не имевшие

зачастую никакого отношения к Академии наук, а иногда и к самой науке. Превозносились разного рода достижения псевдоученых типа Т. Д. Лысенко, провозглашенных по инициативе Сталина корифеями мировой науки. Чаще всего в книге упоминались имена почетных академиков — В. М. Молотова и И. В. Сталина. Однако и такая насквозь идеологизированная и политизированная хронология не устроила партийное руководство.

В 1951 г. скончался председатель КИАН С. И. Вавилов, а через год появилось постановление Президиума АН СССР «О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и о мерах по их устранению»⁷⁰. Согласно этому постановлению был утвержден новый состав Комиссии под председательством вице-президента АН СССР академика В. П. Волгина. Среди ведущих историков науки (Б. М. Кедров, Г. А. Князев, Б. Е. Райков, Н. А. Фигуровский, И. И. Шафрановский и др.) и известных специалистов в различных отраслях знания (М. П. Алексеев, Н. М. Дружинин, Т. П. Кравец, Е. Н. Павловский, В. И. Смирнов и др.) была и В. А. Голубцова, жена Г. М. Маленкова, который в то время фактически управлял страной. Это придавало особую весомость принимаемым Комиссией решениям. В качестве главной задачи Комиссии было обозначено издание «Истории Академии наук СССР». При этом академическим институтам и Архиву АН СССР предписывалось оказывать Комиссии всяческое содействие. Вскоре появились планы создать специальную комиссию по разработке научного наследия и изданию трудов М. В. Ломоносова, которому в те годы приписывали приоритет практически во всех науках.

В условиях все возрастающего интереса к изучению истории науки и техники, подогреваемого политическими соображениями, неизбежно встал вопрос об объединении усилий специалистов в этой области в рамках специального института.

Возрождение института по истории науки и техники

Вскоре после смерти Сталина, 29 августа 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление «О реорганизации Института истории естествознания в Институт истории естествознания и техники». Возрождалось и единое академическое учреждение в Ленинграде в виде его Отделения (ЛО ИИЕТ АН СССР). В него вошли Музей М. В. Ломоносова, Комиссия по истории АН СССР, Комиссия по истории физико-математических наук и Комиссия по разработке научного наследия и изданию трудов Д. И. Менделеева. Началось формирование групп в соответствии с научными интересами сотрудников⁷¹. Довольно быстро сложился высококвалифицированный коллектив исследователей, где вместе с молодыми учеными работали выдающиеся биологи (И. И. Канаев, П. П. Перфильев, Б. Е. Райков), а также историк географии

⁷⁰ Кольцов А. В. Как писалась «История Академии наук СССР»... С. 148, 152–155.

⁷¹ Развитие историко-научных исследований в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники. СПб., 1993.

(А. И. Андреев), историки физики и Академии наук (М. И. Радовский, А. А. Елисеев).

Многим сотрудникам Ленинградское отделение ИИЕТ после долгих лет проработок, мытарств и репрессий дало возможность нормальной работы. Так, например, группу историков биологии возглавил академик Академии педагогических наук Б. Е. Райков, проведенный около 15 лет в лагерях и ссылке и заклеенный в 1931 г. И. И. Презентом как основатель «райковщины», якобы враждебной методологии в преподавании естествознания. На этом его мытарства не закончились, и после Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. он, несмотря на высокие титулы, остался без работы. По той же причине пришел в ЛО ИИЕТ будущий член-корреспондент Международной академии истории науки профессор, д. б. н. И. И. Канаев, уволенный отовсюду за морганизм-вейсманизм. После десятилетий мытарств обрели работу в соответствии со своим классическим дореволюционным образованием Т. Н. Кладо и М. Г. Новлянская. ЛО ИИЕТ дало возможность раскрыться уникальным способностям кандидатов филологических наук Ю. Х. Копелевич и Т. А. Лукиной, бывших также безработными после кампаний по борьбе с космополитизмом и преодолению учения Н. Я. Марра в языкознании. Они стали известными во всем мире специалистами по истории российской науки XVIII–XIX вв., способными читать с листа самый сложный почерк на старорусском, латыни и готике. Над проблемами истории связи и создания Нижегородской лаборатории трудился профессор, д. т. н. Б. А. Остроумов. Для успешного старта нового коллектива много сделал его первый заведующий, знаток научного творчества Н. И. Лобачевского, Б. В. Федоренко. В 1956–1962 гг. во главе ЛО ИИЕТ стоял биолог профессор П. П. Перфильев, лауреат Государственной премии СССР. С 1962 по 1967 гг. ЛО ИИЕТ возглавлял крупнейший специалист по истории Академии наук, живая ее энциклопедия, к. и. н., впоследствии д. и. н. А. В. Кольцов. Все они вместе с сотрудниками репрессированного ИИНИТ (Андреевым, Елисеевым и особенно Радовским) сыграли ключевую роль в становлении коллектива и в завоевании высокой научной репутации ленинградским отделением института уже в середине 1950-х гг. Была обеспечена преемственность академических традиций.

Благодаря «хрущевской оттепели», возобновлению контактов с зарубежными коллегами, а главное, прекрасному знанию его сотрудниками современной науки, отделение с самого начала стало важным центром консолидации усилий как профессиональных историков науки, так и ведущих специалистов разных отраслей естествознания и техники. Так, в Музее М. В. Ломоносова, возглавляемом тогда к. т. н. В. Л. Ченакалом, продолжались работы по завершению Полного собрания сочинений Ломоносова, изданию Ломоносовских сборников, в которых участвовали крупнейшие физики, включая П. Л. Капицу. К 250-летию со дня рождения Ломоносова была издана «Летопись» его жизни и деятельности.

После ряда реорганизаций Комиссии по истории Академии наук был создан в 1960 г. сектор истории Академии, который возглавил крупный историк общественной мысли и отечественной культуры, профессор, д. и. н. А. В. Предтеченский. Под редакцией вице-президента АН СССР К. В. Остро-

витянова были изданы I и II тома «Истории Академии наук СССР», охватывающие период с 1724 по 1917 гг. В них были использованы материалы, подготовленные ранее сотрудниками КИАН: А. И. Андреевым, А. А. Елисеевым, Г. А. Князевым, И. И. Любименко, В. Р. Лейкиной-Свирской, С. Н. Черновым. В работе над этими томами раскрылись уникальные организаторские и личные качества А. В. Кольцова. Человек высокой культуры, блестящий стилист и уникальный знаток архивов — он в качестве ученого секретаря редакции много сделал для успеха этого фундаментального труда, в котором на основе обширного архивного и литературного материала раскрывалась деятельность Академии наук как высшего научного учреждения страны, был показан вклад ученых в развитие естественных, технических и гуманитарных наук. Проанализировано значение деятельности Академии наук как важнейшего фактора, способствовавшего культурному прогрессу страны, просвещению народа. Яркие страницы в этом издании были посвящены кропотливой и упорной работе многих поколений ученых, связанной со сбором и хранением бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Академии наук. При участии крупнейших специалистов соответствующих отраслей знаний был подготовлен и третий том. Однако после многократных обсуждений, доработок и переработок по советам рецензентов рукопись не получила одобрения в ЦК КПСС и в конечном счете была потеряна.

Сотрудники сектора подготовили ряд монографий об отдельных этапах развития Академии наук в XVIII–XX вв., в частности: Ю. Х. Копелевич «Основание Петербургской Академии наук» (1977), книги Е. П. Ожиговой, Н. И. Невской, М. Г. Новлянской, Г. Е. Павловой, Е. В. Соболевой, Н. Г. Суховой о развитии астрономии, математики, географии и других отраслей науки, о жизни и творчестве крупнейших ученых, о международных научных связях и др. Их книги получили мировую известность, и многие из них были переведены на иностранные языки. Уникальные документы по истории отечественной науки с подробными комментариями увидели свет в монументальных сборниках «Организация науки в первые годы советской власти. 1917–1925» (1968) и «Организация советской науки в 1926–1932 гг.» (1974), подготовленных А. В. Кольцовым, К. Г. Большаковой, Л. В. Жигаловой, Г. Е. Павловой, В. Н. Макеевой, Е. В. Соболевой совместно с сотрудниками Архива АН СССР. В 1974–1975 гг. сотрудники ЛО ИИЕТ активно участвовали в подготовке и проведении 250-летнего юбилея АН СССР. Созданная при их руководящем участии выставка по истории АН СССР, о достижениях ее ленинградских учреждений вызвала большой интерес и стала событием в культурной жизни города.

В эти годы Б. Е. Райков завершил фундаментальную 4-томную монографию «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России» (1952–1959 гг.). В группу историков биологии входил и И. И. Канаев, который написал ряд известных во всем мире и не утративших по сей день значения трудов по истории эволюционной морфологии, генетики и евгеники, монографии о И. В. Гете, Ж. Бюффоне, К. Кильмейере, Ф. Гальтоне, Ж. Кювье и др. В 2000 г. в серии «Историки науки XX ве-

*Сотрудники ЛО ИИЕТ АН СССР: И. И. Канаев, З. М. Рубцова, К. М. Завадский,
Я. М. Галл, Э. И. Колчинский, Л. Н. Хахина, Т. А. Лукина, Т. В. Аверьянова,
К. В. Манойленко, И. Е. Быкова*

ка» под редакцией К. В. Манойленко при поддержке Российского гуманитарного научного фонда был издан сборник избранных трудов И. И. Канаева по истории науки. Канаев свободно владел всеми основными европейскими языками и был носителем лучших традиций дореволюционной российской интеллигенции. Т. А. Лукина опубликовала важные архивные материалы К. М. Бэра, К. Ф. Вольфа, Г. В. Стеллера и ряд биографий отечественных ученых.

В 1967 г. Ленинградское отделение ИИЕТ возглавил крупный философ техники и прекрасный организатор науки, профессор, д. ф. н. Ю. С. Мелешенко. Автор широко известной книги «Техника и закономерности ее развития» (1970), он сумел гармонично объединить маститых историков техники и начинающих специалистов по философии техники, создав в Отделении группу методологических и социальных проблем техники и технических наук, которая подготовила ряд монографий и сборников статей по истории и методологии техники и технических наук. Он же инициировал вопрос о коренной реорганизации ЛО ИИЕТ в Институт научно-технической революции, который должен был заниматься не только историей науки и техники, но и современными социальными и методологическими проблемами. Первоначально эти планы получили поддержку в Ленинградском обкоме КПСС, но после внезапной смерти Ю. С. Мелешенко в мае 1972 г. на некоторое время были забыты. Историко-технические проблемы разрабатывались в прекрасных монографиях д. т. н. А. П. Мандрыки «Генезис современной ракетодинамики» (1970), «Эволюция механики в ее взаимной связи с техникой до середины XVIII века» (1972), «Взаимосвязь механики и техники (1770–1870)» (1975).

Профессор Э. Майр, профессор Я. И. Старобогатов, к. б. н. А. Б. Георгиевский

Издав их, он совершил настоящий подвиг. Человек исключительной мужественности, трудоспособности и таланта — он, потеряв на фронте зрение, сумел написать фундаментальные труды по истории техники, остающиеся и по сей день непревзойденным образцом в этом жанре.

Почти одновременно с Мелешенко в Ленинградское отделение пришел выдающийся биолог-эволюционист, профессор, д. б. н., впоследствии заслуженный деятель науки РСФСР К. М. Завадский. В 1967 г. на базе группы по истории биологии он создал сектор истории и теории эволюционного учения и основал оригинальное историко-критическое направление в разработке важнейших проблем эволюционной биологии. Его методология была реализована в крупных монографических исследованиях проблем вида и видообразования (К. М. Завадский), борьбы за существование и естественного отбора (Я. М. Галл), преадаптации (А. Б. Георгиевский), симбиогенеза (Л. Н. Хахина), эволюции эволюции (Э. И. Колчинский), эволюционной цитогенетики (З. М. Рубцова), эволюционной физиологии растений (К. В. Манойленко) и др.⁷² Образцом историко-научных исследований до сих пор остается книга Завадского «Развитие эволюционной теории после Дарвина» (1973). В рамках созданного им семинара и организованных под его руководством всесоюзных и международных симпозиумов выступали практически все ведущие биологи-эволюционисты и историки биологии СССР, а также крупные зарубежные ученые, включая Э. Майра. Завадский создал оригинальную научную школу,

⁷² См.: Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского. СПб., 1997.

Симпозиум «Организация и эволюция». Выступление К. М. Завадского, декабрь 1972 г.

где совместно трудились историки науки, биологи и философы. Под его руководством были подготовлены более тридцати докторов и кандидатов наук по биологии и философии не только из СССР, но и Китая, Болгарии, Польши, Восточной Германии. Его книги многократно издавались за рубежом, в том числе на английском, японском и немецком языках. Основанная К. М. Завадским практика издания периодических сборников по истории и теории эволюционной биологии продолжается и сегодня. В них по-прежнему участвуют ведущие отечественные и зарубежные ученые.

В том же 1967 г. в Ленинградском отделении ИИЕТ к. ф. н., впоследствии профессор, заслуженный деятель науки РФ С. А. Кугель организовал сектор социологических проблем развития науки, который вел крупномасштабные социологические исследования организации науки, структуры и динамики научных кадров, условий труда ученых. Состоялись несколько конференций по теме «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Тогда же основана серия периодических сборников с этим же названием, продолжающаяся и в наши дни.

Сотрудники ЛО ИИЕТ много делали для координации историко-научных исследований. В конце 50-х гг. было создано Ленинградское отделение Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники, проводившее периодические конференции. Материалы публиковали с 1971 г. в сборниках под названием «Наука и техника. Вопросы истории и теории». Традиционно это объединение историков науки возглавляли крупнейшие ученые Ленинграда, академики Б. Б. Пиотровский, Н. С. Соломенко и др.

Далеко не все просто и гладко было в академической деятельности отделения. Историю науки по-прежнему рассматривали как сферу политико-идеологических интересов, хотя пресловутая борьба с космополитизмом ушла в прошлое. Вместе с тем принятая в ЛО ИИЕТ ориентация на мировой уровень развития науки и верность фактам вызывала нередко обвинения в аполии-

тичности или политической близорукости⁷³. Всячески были затруднены контакты и сотрудничество с зарубежными партнерами. А о зарубежных командировках большинство сотрудников не могли и мечтать. Чаще всего на международные симпозиумы и конференции отправлялись московские чиновники. Правда, основные зарубежные журналы и книги по истории науки, даже находившиеся в спецхранах, были доступны. Но закрыты были фонды в архивах, содержащие материалы о некоторых важнейших событиях в истории науки после 1917 г., а о многих из них негласно было запрещено писать, как об «академическом деле» или Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Приходилось тратить много сил, чтобы сохранить хотя бы упоминание о них. Еще не все репрессированные ученые были восстановлены в составе Академии наук. Многие из них были реабилитированы во времена Н. С. Хрущева, но вскоре после его освобождения с постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР разного рода официальные и неофициальные цензоры пытались запретить публикацию правды о последних днях их жизни. Примером «усеченной» правды может служить справочник о персональном составе АН СССР, опубликованный в 1974 г. В него не вошли сотни фамилий действительных и почетных членов, принадлежавших до революции к правящим династиям или занимавших высокие должности в правительственных и церковных кругах, а также исключенных из Академии в советское время.

Делались попытки убрать из истории и здравствующих в то время ученых, оказавшихся негодными властям по тем или иным причинам. Так, например, в дни празднования 70-летнего юбилея Н. В. Тимофеева-Ресовского из издательства «Наука» сообщили, что «сверху» поступило указание больше его не упоминать и ссылки на его статьи не пропускать. Как удалось впоследствии выяснить при помощи тогдашнего академика-секретаря Отделения общей биологии Б. Е. Быховского, Отделу науки ЦК КПСС не понравилось, что в связи с юбилеем Тимофеева-Ресовского в «Бюллетене Московского общества испытателей природы» должна была появиться статья, где его изображали чуть ли не героем антифашистского сопротивления. Было «рекомендовано» этого не делать. При передаче же негласного указания по бюрократической цепочке, как это чаще всего и случается, произошло искажение в сторону глупости. И требовалось немало сил и времени, чтобы подобные нелепые указания не претворялись в жизнь. Пришлось преодолевать препоны и в издании книги Л. С. Берга «Труды по теории эволюции», которую не хотели публиковать из-за ее антидарвинистской направленности. Только согласие К. М. Завадского написать к ней предисловие позволило выпустить книгу.

В этих условиях сотрудники ЛО ИИЕТ предпочитали заниматься когнитивной историей, а социально-культурный контекст специально оставляли за скобками публикаций, чтобы сохранить объективность и не быть втянутыми в политико-идеологические дискуссии. Всякие попытки придать полити-

⁷³ «Мне очень свойственны сомнения...» (интервью с Ю. Х. Копелевич) // ВИЕТ. 2001. № 4. С. 93–116.

ческое звучание историко-научным исследованиям не получали поддержки со стороны наиболее авторитетных сотрудников отделения.

В 1975 г. многогранная работа ЛО ИИЕТ сильно пострадала, когда заведующим был профессор, д. м. н. Н. А. Толоконцев (1973–1975). Для обеспечения штатами вновь создаваемого Института социально-экономических проблем (ИСЭП), по решению секретариата ЦК КПСС, был упразднен ряд академических учреждений в Ленинграде, а их сотрудников перевели в ИСЭП. Реорганизации подверглось и ЛО ИИЕТ. Сектор социологии науки и группу техников передали в ИСЭП, где они вскоре были ликвидированы. Предлагалось отправить туда и сектор Завадского, однако в его защиту выступили директора всех биологических институтов Ленинграда, и коллектив выжил, но как структурное подразделение Ботанического института АН СССР. В составе ИИЕТ АН СССР в Ленинграде сохранились лишь Музей М. В. Ломоносова и сектор истории Академии наук и научных учреждений. В результате непродуманных волюнтаристских действий в очередной раз распался хороший, творческий и работоспособный коллектив. Следует добавить, что одновременно загубили несколько продуктивных, работавших на мировом уровне, секторов и филиалов московских академических учреждений по социологии и экономике.

Негативные последствия этих волюнтаристских решений, принятых по инициативе первого секретаря Ленинградского обкома Г. В. Романова и вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева, вскоре стали очевидны. В 1978 г. сектор истории и теории эволюционного учения был возвращен в ИИЕТ и создан Ленинградский отдел ИИЕТ, который с 1978 по 1987 гг. возглавлял к. т. н. Э. П. Карпеев. При нем ЛО ИИЕТ оставался резервацией для ученых, попавших по тем или иным причинам в немилость к властям предрержащим. В 1978 г. в отдел пришел выдающийся «антилысенковец с довоенным стажем», историк ботаники и прекрасный знаток библиографии, ныне соросовский профессор — Д. В. Лебедев. Он проработал здесь до перестройки, несмотря на неоднократные советы горкома партии отправить его на «заслуженный отдых». Последним из таких неугодных партийным органам сотрудников стал выдающийся социолог В. А. Ядов, которого уволили из ИСЭП в 1984 г. и который начал в ЛО ИИЕТ исследования возможности оценки эффективности деятельности ученых в академических учреждениях естественно-научного профиля. Сотрудникам отдела удалось погасить иницилируемые в Москве кампании по обвинению Э. П. Карпеева в принижении роли М. В. Ломоносова, а Н. И. Невской, напротив, в возвеличении заслуг астронома Ж. Н. Делиля.

Важнейшими публикациями этого периода стали коллективные монографии «Организация и развитие отраслевых научно-исследовательских институтов Ленинграда: 1917–1977» (ред. Б. И. Козлов, 1978); «Очерки истории организации науки в Ленинграде 1703–1977» (ред. Б. Д. Лебин, 1980); книги Н. И. Невской «Петербургская астрономическая школа XVIII века» (1984); Е. П. Ожиговой «Математика в Петербургской академии наук в конце XVIII – первой половине XIX вв.» (1980); Н. Г. Сухой «Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии» (1981); К. В. Манойленко «Эволюционные аспекты проблемы засухоустойчивости

Семинар по эволюционной биологии.

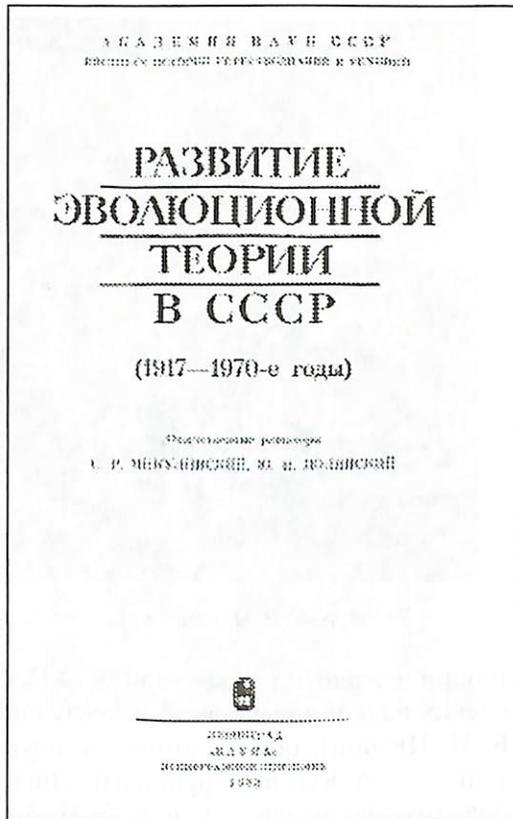
Профессор К. М. Завадский и член-корреспондент Ю. И. Полянский, 1976 г.

растений» (1983); А. П. Мандрыки «Аэромеханическая лаборатория Петербурга» (1980); Д. В. Лебедева «Очерки по ботанической историографии XIX – начала XX вв.» (1986); А. В. Кольцова «Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР» (1982) и «Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР» (1988); А. Б. Георгиевского «Эволюция адаптаций. Историко-методологическое исследование» (1989); Э. И. Колчинского «Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР» (1990) и др. Было завершено издание Полного собрания сочинений Ломоносова. В 1983 г. вышел в свет капитальный труд «Развитие эволюционной теории СССР» (отв. ред. С. Р. Микулинский и Ю. И. Полянский, ред.-сост. Э. И. Колчинский), в котором на фоне мировой науки дан всесторонний анализ вклада отечественных ученых в познание эволюции организмов. Впервые после долгих лет замалчивания здесь была дана оценка негативных последствий Августовской сессии ВАСХНИЛ — вопреки всем пря-

мым и косвенным указаниям убрать эти места из книги, равно как страницы, посвященные анализу трудов уехавшей за границу Р. Л. Берг, статью Е. Н. Панова об этологии в СССР и т. д. В книге были напечатаны портреты некоторых репрессированных биологов-эволюционистов, а также обойден существовавший с 1970 г. негласный запрет на публикацию фотографий Н. В. Тимофеева-Ресовского. Выход этой книги стал возможен благодаря тому, что во всех мероприятиях сектора участвовали выдающиеся ленинградские биологи и академики А. В. Иванов, Е. М. Крепс, А. М. Уголев и др. А член-корреспондент Ю. И. Полянский не раз использовал свой высокий моральный и научный авторитет для преодоления всех бюрократических препятствий. Были опубликованы труды и письма К. М. Бэра, Н. И. Лобачевского, С. В. Ковалевской, В. А. Стеклова, Л. Эйлера и др.

В 1991 г. ЛО ИИЕТ, который с 1987 по 1995 гг. возглавлял профессор, д. ф. н. А. И. Мелуа, стал именоваться Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники, который получил имя выдающегося физика и историка науки, бывшего президента АН СССР С. И. Вавилова. Тогда были начаты крупномасштабные исследования по научному наследию Н. И. Бухарина и В. И. Вернадского, подготовлены и изданы два тома «Репрессированная наука» (1991, 1994), вышла в свет фундаментальная монография Ю. Х. Копелевич и Е. П. Ожиговой «Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки» (1989) и др. В 1988 г. в состав филиала ИИЕТ вошла мемориальная квартира выдающегося исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Вернувшийся в филиал С. А. Кугель возобновил исследования по социологии науки. Благодаря его энтузиазму и уникальным организаторским способностям в тяжелые годы после распада СССР был организован постоянный социологический мониторинг за состоянием академической науки в Санкт-Петербурге.

В настоящее время в СПбФ ИИЕТ (с 1995 г. директор — профессор, д. ф. н. Э. И. Колчинский) входят: сектор истории Академии наук и научных учреждений (заведующая — к. и. н. Г. И. Смагина), сектор истории эволюционной

Титульный лист книги «Развитие эволюционной теории в СССР (1917-1970-е годы)» Л., 1983

Чл.-корр. С. Р. Микулинский, акад. Б. Б. Пиотровский, к. т. н. Э. П. Карпеев

теории и экологии (заведующий — Э. И. Колчинский), сектор истории технических наук и инженерной деятельности (заведующий — профессор, д. ф. н. Б. И. Иванов), центр социолого-наукоеведческих исследований (руководитель — С. А. Кугель), группа изучения Центральной Азии — Музей П. К. Козлова (руководитель — к. и. н. А. И. Андреев). Несмотря на тяжелое финансовое положение отечественной науки, за последние годы в филиале активизировалась издательская деятельность, ежегодно проводятся десятки международных и региональных конференций. Первая из них, посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося биолога-эволюциониста и генетика Ф. Г. Добржанского, была организована в сентябре 1990 г. совместно с кафедрой генетики Ленинградского государственного университета, где работал Добржанский под руководством Ю. А. Филипченко. Она привлекла внимание ученых разных стран и стимулировала многие международные проекты. Расширились связи с высшей и средней школой, ведется большая работа по подготовке учебных программ и пособий по истории науки. Сотрудники филиала постоянно читают курсы лекций в ведущих зарубежных и петербургских университетах.

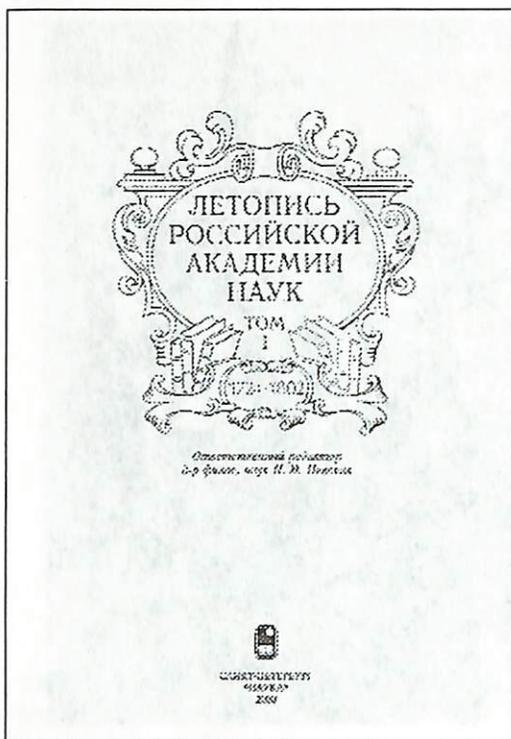
В своей научной работе исследователи опираются на все многообразие подходов современной методологии науки от Т. Куна и Р. Мертона до Б. Латтура. Широко используются также структурализм М. Фуко, тематический анализ Д. Холтона, концепция неявного знания Л. Полани, методология «case study» и исторической антропологии и др. Не забыто и все ценное, что было в марксистской социологии науки. Вместе с тем специфической чертой петербургской школы историков науки, основанной на работе с уникальными музейными, библиотечными и архивными коллекциями, остается приоритет работы над документом, первоисточником. Историко-философским, идеоло-

*Группа участников Международного симпозиума
«Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез»,
17-19 сентября 1990, Ленинград*

гически нагруженным концепциям уделяется меньше внимания. Несмотря на ускорение темпов развития науки, совершенствование и усиление научных коммуникаций (что ведет к быстрой смене методов и объектов исследования), существенной остается приверженность к классическим традициям, заложенным Г. Ф. Миллером, А. А. Куником, П. П. Пекарским, М. И. Сухомлиновым и др.

К 275-летию юбилею Российской академии наук сотрудники филиала издали монографии: Г. И. Смагина «Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в.» (1996); А. В. Кольцов «Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг.» (1997) и «Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных и производительных сил России. 1915–1930 гг.» (1999); М. Ф. Хартанович «Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в.» (1999); Е. Ю. Басаргина «Русский археографический институт в Константинополе. Очерки истории» (1999); «Во главе первенствующего ученого сословия России» (ред.-сост. В. С. Соболев, отв. ред. Э. И. Колчинский, 2000); два тома «Летописи Российской академии наук. 1724–1860 гг.» (под редакцией президента РАН Ю. С. Осипова, 2000, 2002). Находится в печати 3-й том этого издания, завершаются подготовка следующего (четвертого) тома, охватывающего историю РАН до 1934 г., а также электронная версия Летописи Академии наук за 1724–1934 гг., хорошо иллюст-

Титульный лист книги
«Летопись Российской академии наук».
Т. 1: 1724–1802. СПб., 2000

рированная и с обстоятельным справочным материалом. В этих фундаментальных трудах, основанных на большом массиве архивных и печатных источников, в хронологической последовательности освещены главнейшие направления научной и научно-организационной деятельности Академии наук. В 2002 г. вышла книга «У истоков академической генетики» (сост. М. Б. Конашев, отв. ред. Э. И. Колчинский), содержащая переписку Ф. Г. Добржанского с Н. И. Вавиловым, В. И. Вернадским и Ю. А. Филипченко. Три выпуска «Деятели русской науки», подготовленные М. Ф. Хартанович совместно с Институтом российской истории РАН, рассказывают о путях и судьбах выдающихся ученых, многих из которых еще недавно старались вычеркнуть из российской истории. Дважды в серии «Классики науки» издавался уточненный перевод классического труда Ч. Дарвина «Происхождение видов», подготовленный Я. М. Галлом. Он же опубликовал книгу «Становление эволюционной концепции Чарльза Дарвина» (1993). В серии «Научное наследство» увидели свет рукописи петербургских астрономов и математиков, включая Ж. Н. Делиля, Л. Эйлера. Изданы биографии Г. Ф. Гаузе, И. А. Гильденштедта, Ф. Г. Добржанского, К. М. Завадского, В. Н. Любищенко, Н. А. Максимова, Ю. И. Полянского и других творцов российской науки. Готовятся к печати другие монографии и сборники документов, посвященные истории академических учреждений, развитию научных направлений, академическим экспедициям, выдающимся российским ученым, деятельность которых замалчивалась в предшествующие десятилетия, в частности — вице-президентам Академии наук И. П. Бородину и П. В. Никитину. Благодаря Ю. Х. Копелевич в 2001 г. увидела свет коллективная монография «Советско-германские научные связи времен Веймарской республики», подготовленная ею еще в начале 1980-х гг. совместно с Б. Ланге, Т. А. Лукиной, И. Рихтером. В ней на основе широкого комплекса немецких и отечественных архивных материалов исследуются актуальные проблемы взаимодействия науки, государства, общества и власти накануне прихода к власти Гитлера в Германии и укрепления сталинского режима в СССР.

Сотрудники сектора истории эволюционной теории и экологии, продолжая разрабатывать историю крупных и остродискуссионных проблем биологии,

*Ю. Х. Копелевич на праздничном торжестве в честь ее 80-летия,
СПбФ ИИЕТ РАН, 27 ноября 2001 г.*

выполнили исследования и в области социальной истории науки. На обширной базе новых источников, ранее недоступных, разрабатывались такие темы, как «репрессированная наука», «борьба с лысенковщиной», «русское научное зарубежье» и др. В последние годы опубликованы монографии Н. Л. Кременцова «Stalinist Science» (1997), Э. И. Колчинского «В поисках советского “союза” философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.)» (1999), два выпуска «На переломе» (1997, 1999), в которых дан анализ развития науки при тоталитарном режиме. С драматической историей генетики, начиная с судьбы законов Г. Менделя и кончая долгим непризнанием подвижных элементов Б. МакКлинтон, знакомит книга М. Д. Голубовского «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000), в которой дается оригинальная

трактовка ряда важнейших проблем современной эволюционной теории и молекулярной генетики. Многовековому спору сторонников сальтационизма и градуализма посвящена книга Э. И. Колчинского «Неокатастрофизм и селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза» (2002).

В секторе истории технических наук и инженерной деятельности ведется подготовка коллективного труда «Очерки развития технических наук в Санкт-Петербурге. XVIII–XX вв.». В ознаменование 300-летия российского флота изданы фундаментальные монографии И. Ф. Цветкова «История отечественного судостроения в первой четверти XX в.» (1995) и «Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695–1945 гг.)» (2000). В 2001 г. опубликована книга Б. И. Иванова, М. Л. Вишневого, Л. Г. Левина «История развития электротехники в Санкт-Петербурге» (под редакцией академика И. А. Глебова). В Берлине вышла книга Л. Я. Жмудя «Wissenschaft, Philosophie und Religion in frühen Pythagoreismus» (1998).

В Центре социолого-наукоедческих исследований изучают научный потенциал Санкт-Петербурга, общественное мнение ученых, социальные проблемы молодых ученых, механизмы формирования элиты Санкт-Петербурга, динамику научных кадров в переходный период и т. д. Центр подготовил и провел 18 сессий Международной школы по социологии науки и техники, а также первый Всероссийский симпозиум по науковедению (2001). Под редакцией Кугеля изданы сборники и монографии: «Введение в социологию науки» (1992); «Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга» (1993, 1994); «Социальная и политическая ориентация Санкт-Петербургской элиты» (1997); «Мировые модели взаимодействия науки и высшей школы» (1997); «Ученые Ленинграда — Санкт-Петербурга. 60–80-е гг.» (1998) и др.

В Музее П. К. Козлова создана экспозиция, рассказывающая о жизни и деятельности замечательного российского путешественника, чьи раскопки (в 1908 г. «мертвого» города Хара-Хото в пустыне Гоби и в 1924 г. гуннских захоронений в горах Ноин-Ула) принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в. 4 декабря 2002 г. состоялось официальное открытие этого первого в Петербурге мемориального музея путешественника. Фонд Музея-квартиры П. К. Козлова, включающий письма, дневники, карты, экспедиционное оборудование, восточные рукописи, предметы обихода и искусства, дополняет десятки тысяч уникальных единиц хранения в лучших музеях Петербурга — свидетельства огромного вклада Козлова в исследование Центральной Азии. Музей в контексте городской культуры становится центром изучения истории исследований Центральной Азии русскими путешественниками в конце XIX – начале XX вв. Это изучение продолжается по сей день, и значение этих открытий с годами не уменьшается. В издательстве находится экспедиционный дневник П. К. Козлова, подготовленный к печати Т. И. Юсуповой. В тесном контакте с филиалом функционируют мемориальные музеи двух корифеев отечественной науки: М. В. Ломоносова — в Академии наук и Д. И. Менделеева — в Университете.

В филиале ИИЕТ выполнена серия методических разработок по обоснованию форм и методов включения истории науки и техники в педагогический

процесс различных уровней образования, в которых история науки рассматривается как учебный предмет интегрального характера, необходимый для теоретической подготовки высококвалифицированных специалистов. Эта концептуальная установка широко распространена сейчас в системах профессионального и высшего технического образования. На базе данного подхода разработаны, применены и внедрены в различных вузах более двадцати целевых программ и курсов с соответствующими методическими рекомендациями, списками литературы и т. д. Издано учебное пособие по антропологии (А. Б. Георгиевский), разработана программа и подготовлено учебное пособие по истории биологии (под ред. Э. И. Колчинского).

Активизировалась деятельность Санкт-Петербургского отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники. Сейчас отделение состоит из 14 секций, количество его членов достигает 300 человек. С 1996 г. комитет отделения возглавляет академик А. А. Фурсенко. В 1996–2001 гг. проводились XVII–XXII конференции комитета, на которых не раз с докладами выступали лауреат Нобелевской премии вице-президент РАН Ж. И. Алферов, академики РАН А. Ф. Алимов, Ю. С. Васильев, Ю. В. Наточин, Н. Н. Никольский, С. Г. Инге-Вечтомов, академик РАО Л. А. Вербицкая, члены-корреспонденты РАН В. К. Абалакин, И. И. Елисеева и другие выдающиеся ученые нашего города. На этих конференциях были заслушаны доклады по истории научных учреждений военно-промышленного комплекса, в которых приняли участие академики И. В. Горынин, В. М. Пашин, Г. Т. Петровский, В. Г. Пешехонов и др. В сотнях докладов историков науки из различных учреждений была показана громадная и разносторонняя роль Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Горного института, Военно-медицинской академии, Санкт-Петербургского технического университета, Университета путей сообщения и других высших учебных заведений нашего города в развитии мировой науки и просвещении народа. В выступлениях ярко была отражена кропотливая и упорная работа многих поколений ученых, связанная со сбором и хранением бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах. Опубликованы сотни книг о развитии астрономии, математики, географии и других отраслей науки, о жизни и творчестве крупнейших ученых, о международных научных связях и др. Большое внимание уделялось анализу вклада Санкт-Петербурга в развитие мировой культуры, что было особенно важно в ходе подготовки к 300-летию юбилею города. В контакте с секцией истории судостроения к 300-летию юбилею Российского флота были подготовлены фундаментальные книги: «История отечественного судостроения» в пяти томах (ред. И. Д. Спасский, 1991–1996); В. Д. Доценко «Морской биографический словарь» (1995); «Морская авиация» (ред. В. Г. Дейнека, 1996); «Адмиралтейская верфь: люди, корабли, годы» (ред. В. Л. Александров). Вышли два тома фундаментального издания «Наука Санкт-Петербурга и Военно-Морской Флот» (ред. Ж. И. Алферов, 2001, 2003). К юбилейным датам многих научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений вышли летописи, библиографические справочники профессуры, монографии и сборники статей. Расширилось число периодических изданий по истории науки.

*Открытие Музея-квартиры путешественника П. К. Козлова. Слева направо:
 А. В. Постников (ИИЕТ), Э. И. Колчинский (СПбФ ИИЕТ),
 Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп (СПб НЦ РАН),
 академик А. Ф. Алимов (ЗИН РАН), Е. И. Кычанов (СПбФ ИВ РАН),
 завмузеем П. К. Козлова В. А. Росов, 4 декабря 2002 г.*

Благодаря филиалу ИИЕТ и ученым, которые активно сотрудничают с нами, Санкт-Петербург стал видным международным центром по истории науки. Петербуржцы участвуют во многих международных форумах по истории науки. Десятки ученых филиала ежегодно выезжают за границу (США, Германия, Франция, Норвегия, Англия, Канада, Швейцария и др.). Некоторые из них проходят длительную стажировку в зарубежных исследовательских центрах, участвуют в международных проектах. Идет совместная работа над изданиями: со Швейцарской АН — сочинений Л. Эйлера; с Мюнхенским музеем науки и техники — сочинений И. Кеплера; с Берлин-Бранденбургской академией наук — сочинений Г. Лейбница; с Frankesche Stiftung — архивных материалов Второй Камчатской экспедиции.

Сотрудники филиала активно участвуют в крупных международных проектах, посвященных сравнительному анализу истории науки и техники в годы Первой мировой войны и поведения образованных слоев обществ в гитлеровской Германии и сталинской России (Тюбингенский университет), советизации науки в разных странах, истории науки в годы холодной войны (Ганноверский университет), истории формирования синтетической теории эволюции в Германии и СССР (Тюбингенский и Йенский университеты), мобилизации науки во Второй мировой войне в Германии, СССР, США и Японии (Немецкое общество им. М. Планка). Результаты этих и других исследований, в каждом из которых участвовали десятки ученых из разных стран, подведе-

ны в коллективных монографиях: «Эволюция Феодосия Добржанского» (ред. М. Адамс, 1994); «В джунглях власти» (ред. Д. Бойрау, 2000); «Наука и общество» (ред. Дж. Биркс и Э. И. Колчинский); «За железным занавесом: мифы и реалии советской науки» (ред. М. Хайнеманн и Э. И. Колчинский, 2002); «Наука и кризисы» (ред. Э. И. Колчинский, 2003), опубликованных в Германии, России и США.

В филиал ИИЕТ для исследовательской работы приезжают ученые из США, Германии, Голландии и других стран. Ежегодно созываются русско-немецкие конференции, материалы которых опубликованы в семи сборниках «Немцы в России и русско-немецкие научные и культурные связи» (ред. Г. И. Смагина) и в четырех сборниках «Русско-немецкие связи в биологии и медицине» (ред. Э. И. Колчинский). Проводятся совместные русско-американские конференции по актуальным проблемам истории науки. Более десяти сотрудников филиала являются членами престижных зарубежных научных обществ.

Благодаря нашим сотрудникам К. М. Завадскому, И. И. Канаеву, Т. Н. Кладо, А. В. Кольцову, Т. А. Лукиной, А. П. Мандрыке, М. Г. Новлянской, Б. Е. Райкову, Е. П. Ожиговой и многим другим в научный оборот введено огромное количество ранее не известных архивных материалов, возвращены забытые имена, показана роль научного сообщества города на Неве в развитии мировой науки и культуры. При этом используются уникальные собрания книг по истории науки из фондов библиотеки филиала, коллекции Музея П. К. Козлова, архива Центра социально-наукоедческих исследований.

Таким образом, вопреки всем идеологическим бурям, репрессиям, реорганизациям и реформам петербургской школе историков науки удалось сохранить свою причастность к мировой науке и приумножить традиции, заложенные предшествующими поколениями ученых: Г. Ф. Миллером, П. С. Палласом, А. А. Куником, П. П. Пекарским, М. И. Сухомлиновым, А. С. Лаппо-Данилевским, С. Ф. Ольденбургом, В. И. Вернадским, Н. И. Бухариным, С. И. и Н. И. Вавиловыми и многими другими.